ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКАГО КНИГОПИСАНІЯ

И

КНИГОПЕЧАТАНІЯ

ПР. А. И. ТИТОВА.

ВЫПУСКЪ I.

РУССКОЕ КНИГОПИСАНІЕ XI—XVIII В.В.

(СЪ LXXIV РИСУНКАМИ).

ОТТИСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА
ИСКУССТВО И ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО" ЗА 1910 Г.

ФОТОТИПІЯ И ТИПОГРАФІЯ
„С. В. КУЛЬЖЕНКО". ПУШКИНСКАЯ, 4.
КІЕВЪ.
1911.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКАГО КНИГОПИСАНІЯ

И

КНИГОПЕЧАТАНІЯ

ПР. А. П. ТИТОВА.

ВЫПУСКЪ I.

РУССКОЕ КНИГОПИСАНІЕ XI—XVIII В.В.

(СЪ LXXIV РИСУНКАМИ).

ПР

прод.
1969

165

Больш. форм

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
228634

δ ст

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предварительныя замѣчанія 1

ГЛАВА I.

Древне-русское книгописаніе . . . . . 1— 3

ГЛАВА II.

Кириллица и глаголица у русскихъ . . . . . 3— 4

ГЛАВА III.

Кіевскія глаголическія письмена 5 6

ГЛАВА IV.

Способы древне-русскаго книгописанія (до XIV в.) 6 8

ГЛАВА V.

Украшенія въ древне-русскихъ писанныхъ книгахъ 9 14

ГЛАВА VI.

Матеріалы, употреблявшіеся въ древней Руси для писанія книгъ . 14 –21

ГЛАВА VII.

Орудія письма въ древней Руси . . . . . 21—28

ГЛАВА VIII.

Писатели книгъ въ древней Руси 28 36

ГЛАВА IX.

Содержаніе и нѣкоторыя внутреннія особенности древне-русскихъ рукописныхъ книгъ . . . . . 36—39

ГЛАВА X.

Переплетъ и нѣкоторыя внѣшнія особенности древне-русскихъ рукописныхъ книгъ 40– 43

ГЛАВА XI.

Цѣнность книгъ и книжная торговля въ древней Руси . . . . . 43—44

ГЛАВА XII.

Свѣдѣнія о южно- и западно-русскомъ книгописаніи XV XVIII в. в. 44 47

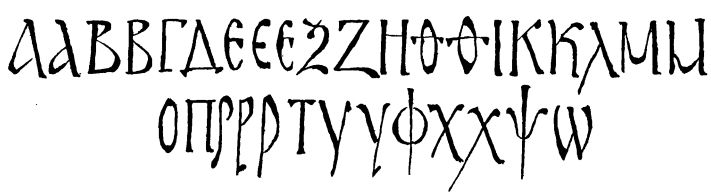


Рис. 1. Греческій уставный алфавитъ.

Очерки по исторіи русскаго книгописанія и книгопечатанія.

Предварительныя замѣчанія.

Ближайшею цѣлію нашихъ очерковъ имѣетъ быть знакомство читателей журнала съ исторіею русскаго книгопечатанія. Въ частности, особенное вниманіе мы будемъ обращать на исторію нашего кіевскаго и, вообще, западно-русскаго книгопечатанія.

Но наше древне-русское и, въ частности, западно-русское книгопечатаніе находилось въ тѣснѣйшей органической связи съ древне-русскимъ книгописаніемъ. Эта связь между ними вполнѣ естественна и понятна. Книгописаніе и книгопечатаніе удовлетворяютъ одной и той же цѣли запечатлѣнію человѣческихъ мыслей и распространенію ихъ среди другихъ людей. Книгопечатаніе отличается отъ книгописанія только тѣмъ, что первое способствуетъ болѣе прочному, быстрому и широкому распространенію нашихъ мыслей среди общества.

Наши первые русскіе печатники воспользовались, при своихъ работахъ, весьма многимъ изъ того, что было въ употребленіи у ихъ предшественниковъ книгописцевъ. Они заимствовали отъ этихъ послѣднихъ не только матеріалъ и нѣкоторыя орудія работы, но также и самый шрифтъ, равно какъ и другія принадлежности внѣшней технической стороны своего искусства.

Такимъ образомъ, для яснаго и точнаго представленія главнаго предмета нашихъ очерковъ, т. е. древне-русскаго книгопечатанія намъ необходимо познакомиться предварительно съ древне-русскимъ книгописаніемъ. А потому мы и скажемъ, прежде всего, объ этомъ послѣднемъ.

I.

Древне-русское книгописаніе.

Русскіе славяне умѣли писать, вѣроятно, еще до принятія ими христіанства. Наша первоначальная лѣтопись содержитъ въ себѣ ясныя указанія на то, что у русскихъ существовало письмо еще до равноапостольнаго князя Владиміра. Такъ, подъ 912 годомъ въ ней читаемъ, между прочимъ, слѣдующій пунктъ договора между русскими и греками, заключеннаго при Олегѣ: „...и о работающихъ бо Грекохъ (въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи сказано: „о работающихъ въ Грѣцѣхъ“) Руси у хрестьянскаго царя.... аще ли сотворитъ обряженіе таковый, возметъ уряженое его, кому будетъ ѝ с а л ъ наследити имѣнье его, да наследитъ е“... [1]).

Здѣсь, очевидно, говорится о и с а н н ы х ъ завѣщаніяхъ, которыя могли остав-

[1]) См. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе Археографической Коммиссіи. СПБ. 1872 г. стр. 36; ср. Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. Арх. Ком. СПБ. 1871 г., стр. 22.

лять послѣ себя тѣ изъ умиравшихъ русскихъ, которые служили у цареградскаго императора. Впрочемъ, вопросъ о языкѣ, на которомъ могли быть писаны эти завѣщанія, а тѣмъ болѣе о самомъ способѣ письма, употреблявшагося русскими въ Константинополѣ, долженъ быть оставленъ открытымъ.

Въ той же самой первоначальной лѣтописи подъ 988-мъ годомъ читается такая замѣтка: „въ лѣто 6496 иде Володимеръ с вои на Корсунь, градъ Грѣчкый, и затворишася Корсуняни въ градѣ... И се мужь, именемъ Анастасъ, Корсунянинъ, стрѣли, *написавъ* на стрѣлѣ: „кладязи, яже суть за тобою отъ вьстока, изъ того вода идеть по трубѣ; копавше, преймете воду“ [2]).

Необходимо предполагать, что *надпись* на стрѣлѣ должна была быть сдѣлана Анастасомъ корсунянином на такомъ языкѣ, который былъ понятенъ Владиміру. Допустимо, что этимъ языкомъ могъ быть русскій, который могъ быть извѣстенъ и корсунскимъ жителямъ [3]).

На существованіе письма у русскихъ славянъ до Владиміра св. имѣются указанія, правда, косвенныя и не вполнѣ опредѣленныя, и въ договорѣ, который былъ заключенъ русскимъ княземъ Игоремъ съ греками въ 945 году. Въ этомъ договорѣ упоминаются *печати*—золотыя и серебряныя, а также и *грамоты*, съ которыми русскіе торговцы должны были являться въ Грецію [4]).

Такимъ образомъ, имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о существованіи письма у русскихъ славянъ до Владиміра св. отличаются большою неопредѣленностью. Во всякомъ случаѣ они говорятъ только о *возможности* письма у русскихъ этого времени, не болѣе того.

Правда, одинъ изъ арабскихъ писателей X вѣка нашей эры (Ибнъ-эль-Недимъ) свидѣтельствуетъ, что „у русскихъ его времени были *свои письмена*, *вырѣзываемыя на деревѣ*“. Въ своемъ сочиненіи, относящемся къ 987 году, онъ даже приводитъ одну, будто бы, русскую надпись, списованную имъ съ оригинала [5]). Но спеціалисты расходятся между собою въ опредѣленіи того языка, на которомъ была сдѣлана эта надпись.

Несомнѣнно, что употребленіе письменности у русскихъ славянъ началось со времени принятія ими христіанства при Владимірѣ св. Въ это время къ намъ явились многіе греческіе епископы, священники и учители, приглашенные Владиміромъ. Среди нихъ могли быть и лица славянскаго происхожденія. Они принесли къ намъ съ собою многія рукописныя книги, преимущественно богослужебныя, переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ. По этимъ славянскимъ рукописямъ учились русскіе грамотѣ, т. е. чтенію и письму, подъ руководствомъ пришлыхъ учителей. Съ теченіемъ времени продолжалось перенесеніе изъ Греціи и изъ славянскихъ странъ къ намъ въ Россію рукописныхъ славянскихъ книгъ. Судя по тому, сколько подобныхъ рукописей сохранилось до нашего времени, несмотря на гибель ихъ во время частыхъ пожаровъ и разоренія русской страны врагами, можно предполагать, что русскіе со времени принятія ими христіанства сдѣлались обладателями богатѣйшихъ книжныхъ рукописныхъ сокровищъ.

Уже съ XI вѣка рукописныя славянскія книги начали переводиться и переписываться

[2]) См. Лѣтопись по Ипатск. сп. стр. 74—75; ср. Лѣт. по Лаврент. сп. стр. 107.

[3]) Ср. у И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка. СПБ. 1863 г. стр. 7.

[4]) См. Лѣт. по Ипатск. сп. стр. 30; ср. Лѣт. по Лавр. сп. стр. 47; ср. у Е. Голубинскаго. Исторія русской церкви. Т. I пол. 1-я. М. 1880 г. стр. 62—63.

[5]) Она воспроизведена фототипически у Я. Б. Шницера. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. СПБ. 1903 г. стр. 232.

и самими русскими образованными людьми. О Ярославѣ Мудромъ наша первоначальная лѣтопись разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: „И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы... и книгамъ прилежа, почитая часто в день и во нощи; и собра писцѣ многы, и прѣкладаше отъ Грѣкъ на словеньскый языкъ и писмя, и списаша многы книги“ [6]).

Такимъ образомъ, со времени принятія русскими христіанства у нихъ утвердилось то самое письмо, какое существовало раньше у родственныхъ имъ славянъ, преимущественно у болгаръ и сербовъ. У этихъ же послѣднихъ ко времени принятія христіанства русскими были въ употребленіи два способа письма: кириллица и глаголица.

II.

Кириллица и глаголица у русскихъ.

Кириллицею принято называть азбуку, или особый способъ славянскаго письма, который былъ изобрѣтенъ св. Кирилломъ, однимъ изъ солунскихъ братьевъ, славянскихъ просвѣтителей († 14 февраля 869 г.) [7]). Время изобрѣтенія кириллицы обыкновенно пріурочивается къ 863 г. Кириллица есть собственно греческое уставное письмо, извѣстное намъ по греческимъ богослужебнымъ книгамъ и только дополненное нѣсколькими новыми буквами. Буквы кириллицы, которыми обозначаются общіе славянскому и греческому языкамъ звуки, въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ не только сходны, но иногда даже тожественны съ соотвѣтствующими греческими буквами, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго рисунка (см. рис. 1), изображающаго буквы древнѣйшаго греческаго уставнаго письма. Что же касается буквъ кирилловскаго алфавита, обозначающихъ звуки неизвѣстные, или мало извѣстные въ греческомъ языкѣ, то онѣ частію могли быть передѣланы изъ греческихъ же буквъ, частію же неясны по своему происхожденію; онѣ могли быть и нарочито изобрѣтены творцомъ кириллицы.

Буквы кирилловскаго алфавита, подобно греческимъ буквамъ, имѣли не только звуковое, но и числовое значеніе, т. е. употреблялись для обозначенія цифръ. Въ этомъ отношеніи кириллица представляетъ собою рабское подражаніе своему греческому оригиналу.

Кромѣ кириллицы, у славянскихъ народовъ, вышедшихъ на путь просвѣщенія раньше русскихъ и бывшихъ учителями этихъ послѣднихъ, употреблялся еще другой способъ письма, извѣстный подъ именемъ глаголицы. Послѣдняя почти такъ же древня, какъ и кириллица. А нѣкоторые даже склонны считать глаголицу болѣе древнею, чѣмъ кириллица [8]).

Глаголица значительно отличается отъ кириллицы особеннымъ начертаніемъ буквъ. Но нѣкоторыя буквы (напр., е, о и др.) глаголицы нелишены сходства съ кирилловскими, а чрезъ нихъ и съ греческими уставными буквами.

Большинство ученыхъ, занимавшихся рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи глаголицы,

[6]) См. Лѣт. по Ипат. сп. стр. 106; ср. Лѣт. по Лавр. сп. стр. 148. О томъ, какія книги могли быть переведены или переписаны при Ярославѣ Мудромъ. см. у Филарета Гумилевскаго, архіеп. Черниг. Обзоръ русск. дух. литературы кн. 1. СПБ. 1884 г. стр. 11.

[7]) Вопросъ о происхожденіи кириллицы и глаголицы—очень сложный, трудно разрѣшимый, и имѣетъ обширную литературу—иностранную и русскую. Съ своей стороны, мы, при составленіи главы о кириллицѣ и глаголицѣ, пользовались статьею академика А. И. Соболевскаго, напечатанною въ X т. Богословской Энциклопедіи, изд. преемниковъ † проф. А. П. Лопухина, подъ редакціею проф. Н. Н. Глубоковскаго. СПБ. 1909 г., стр. 213—228; тамъ же см. и перечень важнѣйшей литературы по данному вопросу.

[8]) См. у Шницера Я. Б. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ СПБ. 1903 г., стр. 222 и слѣд.

склоняются, обыкновенно, къ тому мнѣнію, что глаголица образовалась изъ греческой скорописи (минускульнаго письма) VIII—IX в.в. Это преобразованіе греческой скорописи въ глаголицу было сдѣлано, по ихъ мнѣнію, св. Кирилломъ солунскимъ.

Академикъ Соболевскій, съ своей стороны, полагаетъ, что глаголица могла быть составлена ученикомъ, или нѣсколькими учениками св. Меѳодія солунскаго († 11 мая 885 г.) въ предѣлахъ его моравской епархіи во время поднятаго здѣсь латинниками гоненія на славянское богослуженіе и на славянскую письменность, ради ихъ спасенія. Это мнѣніе заслуживаетъ особеннаго вниманія къ себѣ въ виду того, что, дѣйствительно, главною причиною гоненія на славянское богослуженіе и на славянскую письменность въ Моравіи былъ явно греческій характеръ кириллицы, исчезнувшій, или во всякомъ случаѣ ослабѣвшій съ замѣною кириллицы глаголицею.

Порядокъ буквъ въ глаголицѣ—тотъ же, что и въ кириллицѣ. Равнымъ образомъ, и названія буквъ въ томъ и другомъ алфавитѣ одинаковы.

Буквы глаголицы, подобно кирилловскимъ, имѣли, кромѣ звукового, и числовое значеніе. Но отношеніе глаголицы съ этой стороны къ греческому алфавиту отличается отъ такового же отношенія къ нему кириллицы.

Глаголица въ XI—XII в.в. употреблялась болгарами, сербами, хорватами, моравами и чехами. Въ настоящее время глаголица сохраняется у тѣхъ немногихъ хорватовъ, которые живутъ по берегамъ и на островахъ Адріатическаго моря и которые, будучи католиками, пользуются богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ.

У насъ, въ Россіи, славянское письмо употреблялось въ древнее время преимущественно въ видѣ кириллицы. Что же касается глаголицы, то древне-русскіе писцы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, умѣли читать ее и могли разобрать и переписать глаголическую книгу кирилловскимъ письмомъ. Но сами они не пользовались глаголицею. Только въ видѣ рѣдкихъ исключеній встрѣчаются въ русскихъ книгахъ XI XII в.в. отдѣльныя глаголическія буквы среди кирилловскаго текста. Въ XV XVI в.в. русскіе книгописцы сохранили еще нѣкоторую память о глаголицѣ и по временамъ пользовались ею для тайнописи (криптографіи).

Такимъ образомъ, древне-русскіе грамотники сами не писали глаголицею, а пользовались глаголическими рукописями, заимствованными со стороны. Въ виду рѣдкости глаголическихъ рукописей мы желаемъ познакомить нашихъ читателей съ однимъ древнимъ памятникомъ глаголической письменности, которымъ владѣетъ нашъ Кіевъ и который извѣстенъ подъ именемъ „Кіевскихъ глаголическихъ письменъ“.

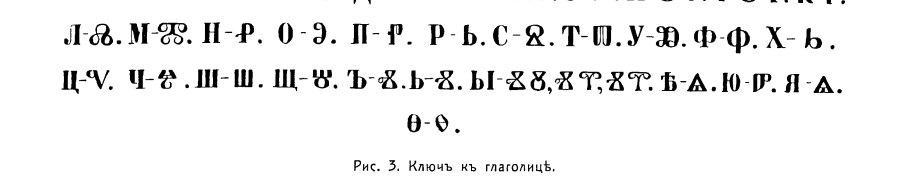


Рис. 3. Ключъ къ глаголицѣ.

III.

Кіевскія глаголическія письмена.

Рукопись, содержащая въ себѣ замѣчательный памятникъ древне-славянской глаголической письменности, извѣстный подъ именемъ „Кіевскихъ глаголическихъ письменъ“ или „Кіевскихъ отрывковъ“, принадлежитъ церковно-археологическому музею при Кіевской духовной Академіи [9]). Рукопись состоитъ изъ семи пергаметныхъ листковъ въ малую осьмушку. По мнѣнію покойнаго нашего палеографа П. И. Срезневскаго, правописаніе настоящей рукописи, за исключеніемъ первой страницы ея, отличается признаками моравскаго, или чехо-моравскаго нарѣчія, впрочемъ, съ соблюденіемъ носовыхъ гласныхъ и, вообще, особенностей древняго старо-славянскаго языка. Буквы здѣсь такія же, какъ и въ другихъ глаголическихъ рукописяхъ древняго круглаго письма. Прописныя буквы отличаются отъ обыкновенныхъ строчныхъ только величиною и болѣе тщательною отдѣлкою. На гласныхъ буквахъ, за исключеніемъ первой страницы, имѣются знаки придыханія и ударенія, или же долготы, хотя не вездѣ. Подъ титломъ написаны немногія слова, и притомъ не вездѣ допущены сокращенія относительно однихъ и тѣхъ же словъ. Строки разсматриваемой нами рукописи написаны по заранѣе приготовленнымъ путемъ вдавливанія линіямъ. Буквы отличаются неровностію въ нижнихъ линіяхъ: одни изъ нихъ длиннѣе, а другія короче. Въ верхнихъ частяхъ строкъ замѣчается бо́льшая правильность письма.

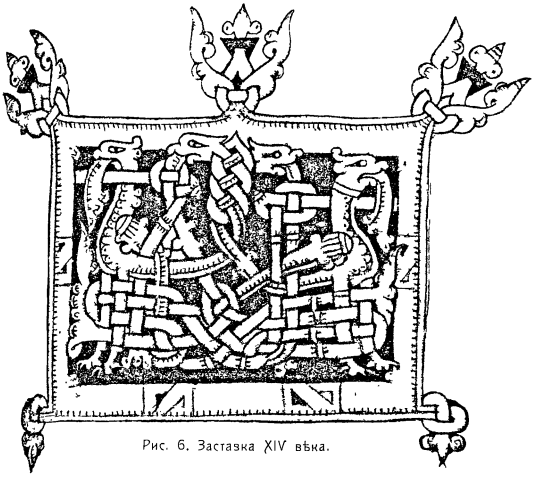


Рис. 6. Заставка XIV вѣка.

Содержаніе нашей рукописи таково. На первой страницѣ ея написаны чтенія изъ Апостола (Рим. XIII, 11 — 14 и XIV, 1 — 4) и молитва. На прочихъ 13 страницахъ помѣщены десять миссъ въ томъ сокращенномъ видѣ, какъ онѣ читаются въ обыкновенномъ римско-католическомъ миссалѣ [10]).

По мнѣнію П. И. Срезневскаго, тщательно изслѣдовавшаго въ свое время нашу рукопись, эта послѣдняя содержитъ въ себѣ часть очень древняго римско-католическаго миссала въ славянскомъ переводѣ, „и притомъ въ спискѣ такого глаголическаго письма, которое до сихъ поръ казалось непримѣнимымъ къ богослужебнымъ книгамъ римской церкви“ [11]).

Академикъ А. И. Соболевскій, съ своей стороны, полагаетъ, что католическій миссалъ, отрывки котораго сохраняются въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, могъ быть написанъ въ Польшѣ, что указываетъ

[9]) См. у проф. Н. И. Петрова. Указатель церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи. К. 1897 г., стр. 206, № 181; ср. его же Описаніе рукописей церковно-археологическ. музея при Кіевск. дух. Акад. Вып. II. К. 1877 г. стр. 348—349, № 328.

[10]) См. Труды третьяго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года. т. 2. К. 1878 г., приложенія стр. 185. Здѣсь же, на стр. 186—192, напечатанъ текстъ занимающей насъ рукописи, но въ передачѣ глаголическихъ буквъ кирилловскими.

[11]) См. тамъ же т. II, ч 1-я (рефераты), стр. 276.

на употребленіе глаголицы въ предѣлахъ епархіи славянскаго первоучителя Меѳодія [12]).

Кіевскіе глаголическіе отрывки поступили въ церковно-археологическій академическій музей отъ архимандрита Антонина Капустина, бывшаго начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ († 24 марта 1894 г.) [13]).

Время написанія этого памятника не можетъ быть опредѣлено съ точностію. Но древность его не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Покойный И. И. Срезневскій признаетъ его „замѣчательнымъ памятникомъ древней славянской письменности“ [14]).

На рисункѣ № 2 представлена фотографически снятая страница этого „замѣчательнаго памятника“ древне-славянской письменности. Для желающихъ заняться самостоятельнымъ разборомъ и чтеніемъ его предлагаемъ здѣсь (см. рис. 3 въ текстѣ) ключъ глаголической азбуки, составленный И. И. Срезневскимъ [15]).

IV.

Способы древне-русскаго книгописанія (до XIV в.).

Глаголическое письмо употреблялось въ древней Руси весьма рѣдко, только въ видѣ исключенія [16]). Господствующимъ письмомъ у насъ было тогда кирилловское, какъ болѣе легкое и доступное для русскихъ книгописцевъ.

На пространствѣ времени XI—XIV вѣка у насъ употреблялся одинъ способъ кирилловскаго письма, извѣстный въ наукѣ подъ именемъ у с т а в а. Этотъ способъ письма состоитъ въ томъ, что „каждая буква, простая или сложная, писалась отдѣльно и не разомъ, а въ нѣсколько пріемовъ руки“ [17]). Уставное письмо было какъ крупное, такъ и мелкое. Уставомъ опытные книгописцы могли писать довольно быстро. Уставная скоропись отличалась только меньшимъ соблюденіемъ правильности и красоты начертанія буквъ, причемъ связнаго писанія буквъ въ это время почти совсѣмъ не было у насъ [18]).

Можно думать, что во все это время (XI XIV в.в.) въ древне-русскомъ книгописаніи не было различія между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ Россіи. И тамъ, и здѣсь писали, повидимому, совершенно одинаково.

Русское книгописаніе этого времени не отличалось самостоятельностью. Оно представляло болѣе или менѣе точную копію древне-славянскаго письма, которому русскіе книгописцы обучались, на основаніи тѣхъ славянскихъ рукописей, какія получались нами съ православнаго Востока при посредствѣ грековъ и южныхъ славянъ. Такъ, напр., древнѣйшія изъ сохранившихся въ подлинникахъ XI в. русскія книги Остромирово евангеліе (1056—7 г.) и Изборникъ Святославовъ (1073 г.) были написаны древнимъ славянскимъ правописаніемъ, но русскими писцами [19]).

Для ближайшаго непосредственнаго знакомства нашихъ читателей съ уставнымъ древне-славянскимъ или что то же самое

---

[12]) См. Богословская Энциклопедія. Изданіе преемниковъ † проф. А. П. Лопухина подъ редакц. проф. Н. Н. Глубоковскаго, т. X, СПБ. 1909 г., стр. 224.

[13]) См. о немъ у проф. А. А. Дмитріевскаго. Начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ архимандритъ Антонинъ Капустинъ. СПБ. 1904 г.

[14]) См. Труды 3-го арх. съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ. К. 1878 г. т. II, приложенія стр. 158.

[15]) См. тамъ же т. II, ч. I-я (рефераты), стр. 270; ср. у В. Прохорова „Христіанскія древности и археологія“ кн. 7-я, 1864 г., стр. 96.

[16]) См. у П. И. Срезневскаго. Древнія русскія книги. СПБ. 1864 г., стр. 18.

[17]) См. тамъ же, стр. 13.

[18]) См. тамъ же, стр. 14.

[19]) См. у И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). СПБ. 1863 г., стр. 14—16; ср. его же Славяно-русская палеографія XI—XIV в.в. СПБ. 1885 г., стр. 104—116.

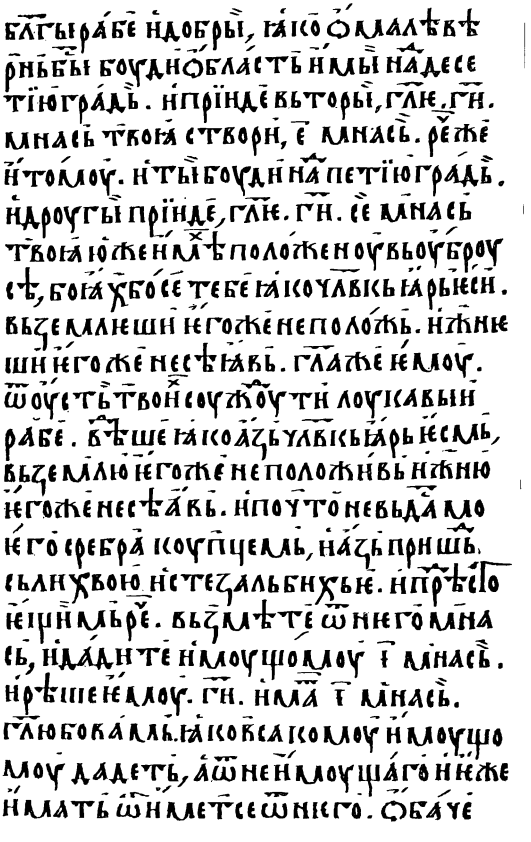


Рис. 7. Листъ Евангелія—тетр. XIV в., писан. на пергаментѣ.
(Изъ церк.-арх. муз. при Кіев. дух. Акад.).

древне-русскимъ письмомъ мы предлагаемъ два фотографическихъ снимка съ рукописей, хранящихся въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной Академіи.

На рисункѣ № 3 снята страница Слѣпченскаго Апостола, названнаго такъ потому, что рукопись его была найдена въ 1844 г. извѣстнымъ нашимъ славистомъ В. И. Григоровичемъ въ Слѣпченскомъ монастырѣ св. Іоанна Предтечи, въ Болгаріи, недалеко отъ Прилѣпа [20]). Рукопись Слѣпченскаго Апостола представляетъ тѣмъ бо́льшій интересъ, что она была написана на пергаментѣ вмѣсто смытаго прежняго греческаго текста. Такія рукописи въ палеографіи принято называть палимпестами. Онѣ встрѣчаются очень рѣдко [21]).

Рукопись Слѣпченскаго Апостола писана на толстомъ пергаментѣ въ 4-ку, въ одинъ столбецъ, отъ 24 до 32 строкъ на одной страницѣ, довольно крупнымъ южно-славянскимъ уставомъ. Прописныя буквы сдѣланы въ краскахъ и отличаются фигурностью.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной Академіи имѣются только два листа изъ всей рукописи Слѣпченскаго Апостола, которая, по вычисленіямъ спеціалистовъ, должна была въ полномъ видѣ состоять изъ 20 четвертей, сложенныхъ вдвое, или изъ 160 листовъ. Впрочемъ, кромѣ двухъ кіевскихъ листовъ, палеографамъ извѣстны еще и другіе листы Слѣпченскаго Апостола, всего до 140 л.л. [22]).

На рисункахъ №№ 4 и 5-й представлены фотографически снятые два листа изъ рукописнаго Оршанскаго евангелія Апракосъ XIII в., хранящагося въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной Академіи [23]).

[20]) См. у Г. Воскресенскаго. Древній славянскій переводъ Апостола и его судьба до XV в. М. 1879 г. стр. 99.

[21]) См. у И. Срезневскаго. Древнія русскія книги. СПБ. 1864 г., стр. 6.

[22]) См. у Г. Воскресенскаго. Древній славянскій переводъ Апостола и его судьба до XV в. М. 1879 г. стр. 99—100.

[23]) Рукопись была пожертвована таращанскимъ помѣщикомъ Меленевскимъ, который извлекъ ее изъ церковныхъ вещей и бумагъ, принадлежавшихъ монастырямъ г. Орши и выброшенныхъ французами послѣ разграбленія монастырей въ войну 1812—1814 г.г.

Рукопись Оршанскаго евангелія сдѣлана на чистомъ, гладкомъ, довольно плотномъ пергаментѣ, четкимъ уставомъ, въ два столбца, по 28 строкъ въ каждомъ. Рукопись размѣромъ въ небольшой листъ, длиною въ 6 верш. и шириною около 4½ верш. Текстъ евангелія писанъ чернилами каштановаго цвѣта. Заставки же, инціалы и заглавныя буквы сдѣланы красивою киноварью.

Рукопись Оршанскаго евангелія, находящаяся въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной Академіи, сохранилась не вполнѣ. Она не имѣетъ ни начала, ни конца, равно какъ и въ срединѣ ея недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Вся, вообще, рукопись, въ полномъ ея видѣ, должна была имѣть, по мнѣнію спеціалистовъ, 176 листовъ, изъ которыхъ сохранилось 142 лл.[24]).

Въ сохранившейся части рукописи имѣются два изображенія евангелистовъ Матѳея и Луки, а также двѣ заставки.

Интересны изображенія евангелистовъ. Евангелисты изображены сидящими на табуретѣ предъ столомъ и пишущими на разлинованномъ пергаментѣ. Евангелистъ Матѳей представленъ, повидимому, пишущимъ лѣвою рукою. На столѣ предъ евангелистомъ нарисованы длинныя чернильницы съ черными и красными чернилами и что-то похожее на песочницу. Къ столу придѣлана подставка, на которой изображено раскрытое евангеліе. Позади евангелистовъ видны колонны, а подъ ногами у каждаго изъ нихъ какъ будто коверъ. Изображенія расписаны темнозелеными и красными красками, съ различными оттѣнками и съ позолотою въ нѣкоторыхъ частяхъ. Одно изъ этихъ изображеній см. на рисункѣ № 5.

Инціальныя буквы рукописи сдѣланы искусно и представляютъ изображенія различныхъ животныхъ: птицъ, драконовъ, змѣй и звѣрей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ образуются посредствомъ сложнаго сочетанія простыхъ линій. Есть нѣсколько инціаловъ, представляющихъ оригинальныя фигуры съ головами человѣка, а туловищемъ птицъ, иногда съ змѣею во рту[25]).

По палеографическимъ и филологическимъ признакамъ, написаніе Оршанскаго евангелія можетъ быть отнесено къ XII—XIII в.в.

Оно могло быть написано на сѣверо-западѣ Россіи, напр., въ Бѣлоруссіи[26]).

Уставное письмо почти исключительно употреблялось въ древне-русскомъ книгописаніи до XIV в. включительно. Рукописи этого времени различаются между собою по способу письма, преимущественно особенностями въ начертаніи буквъ. Эти особенности обусловливались, главнымъ образомъ, различнымъ соотношеніемъ толстыхъ и тонкихъ чертъ, или линій. Къ XIV в. окончательно образовался самобытный очень красивый русскій уставный почеркъ[27]).

Образцы этого уставнаго письма XIV в. см. на рисункахъ №№ 7, 8 и 9.

XIV вѣкъ въ исторіи русскаго книгописанія характеризуется постепеннымъ распространеніемъ такъ называемой вязи и образованіемъ скорописи, равно какъ и введеніемъ бумаги, въ качествѣ матеріала для книгописанія[28]).

Съ этого же времени начинаетъ постепенно образовываться и разница между сѣверо-восточнымъ русскимъ и юго-западнымъ русскимъ письмомъ.

[24]) См. у Г. Крыжановскаго. Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. К. 1889 г., стр. 5.

[25]) См. тамъ же, стр. 3—4.

[26]) См. тамъ же, стр. 25.

[27]) См. у В. Прохорова. Христіанскія древности и археологія. Кн. 2-я, 1865 г., стр. 26.

[28]) См. у И. Срезневскаго. Славяно-русская палеографія XI—XIV в. СПБ. 1885 г., стр. 26.

Рис. 2. Кіевскія глаголическія письмена.

(Хранятся въ церк.-археологич. музеѣ при Кіев. дух. Акад.).

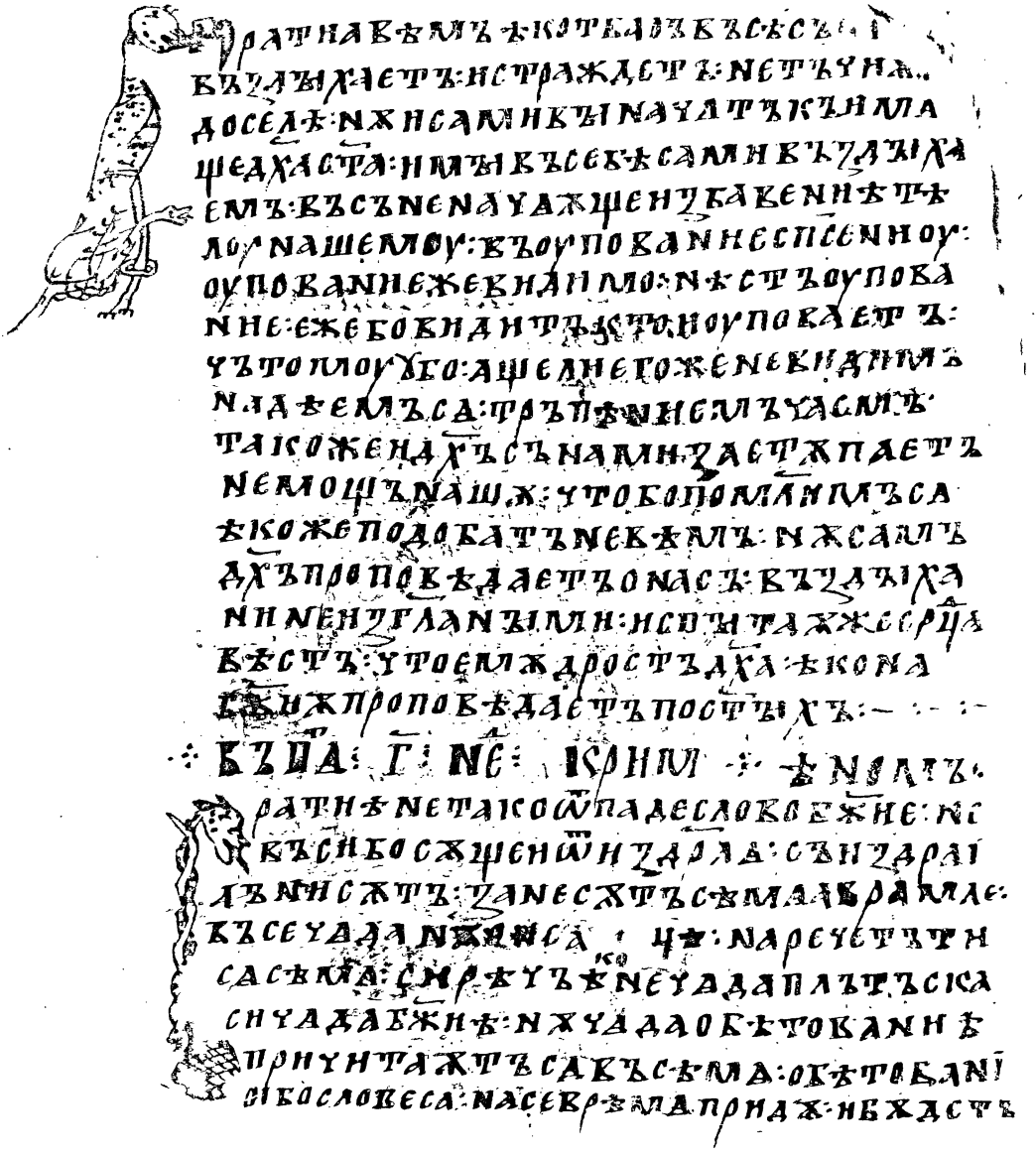


Рис. 3. Листъ Слѣпченскаго Апостола—палимптеста XII в.

(Изъ церк.-арх. музея Кіев. дух. Акад.).

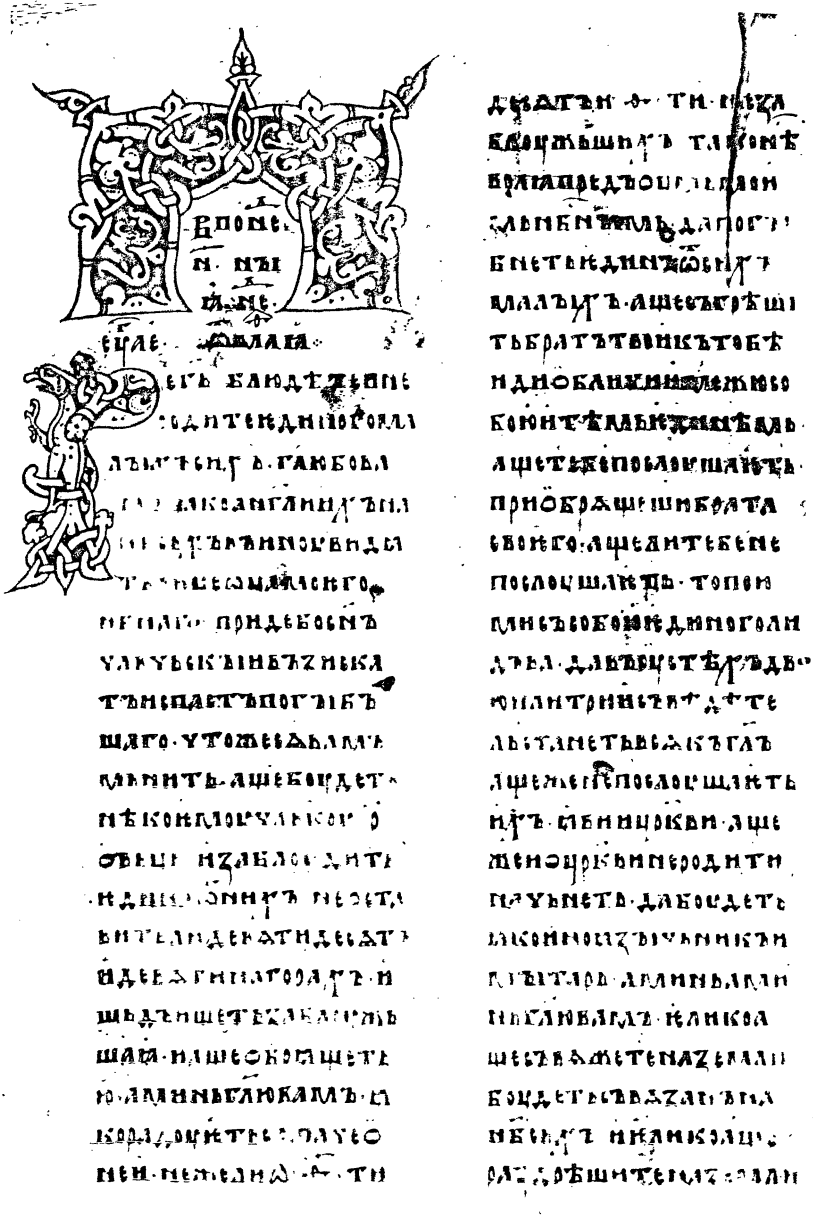


Рис. 4. Листъ Оршанскаго евангелія—апракосъ XIII в.

(Изъ церк.-арх. муз. Кіев. дух. Акад.).

Рис. 5. Миніатюра—изображеніе св. Матѳея въ Оршанскомъ евангеліи XIII в.
(Изъ церк.-арх. муз. при Кіев. дух. Акад.).

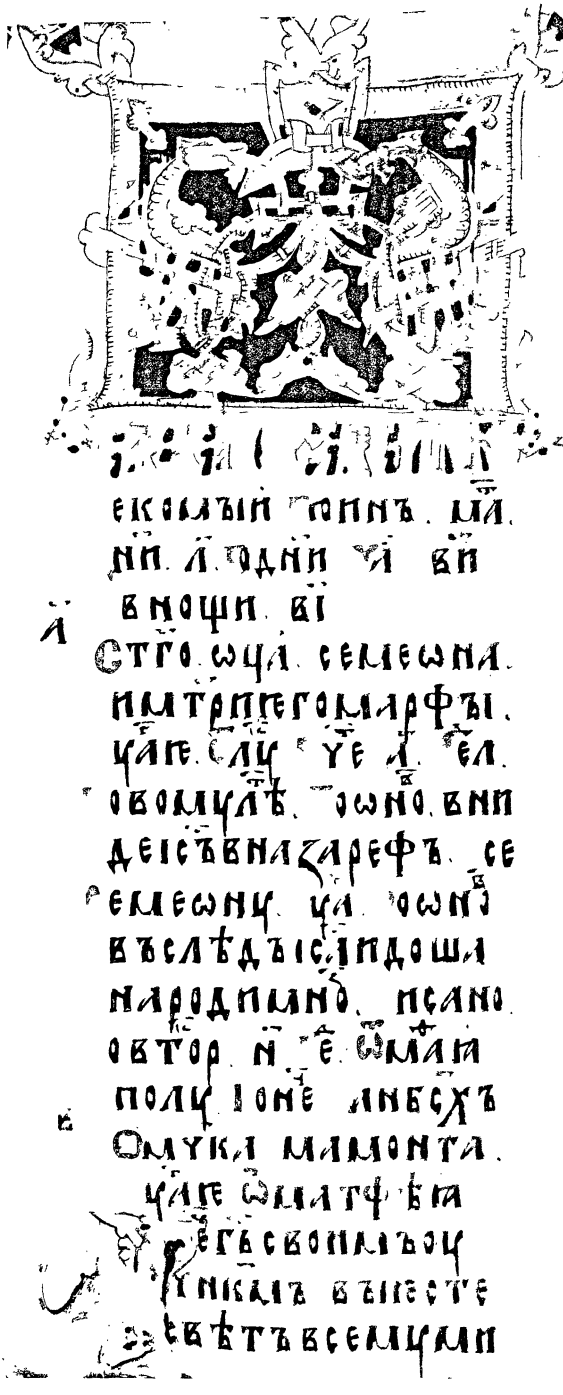


Рис. 8. Листъ Евангелія—Апракоса XIV в., писаннаго на пергаментѣ.

(Библіотека Кіево-Печерской Лавры).

Рис. 9. Листъ Апостола XIV в., писаннаго на пергаментѣ.

(Библіотека Кіевской духовной Академіи).

Рис. 11. Листъ 129 Изборника в. к. Святослава Ярославича 1073 г. съ заставкой и украшеніями.

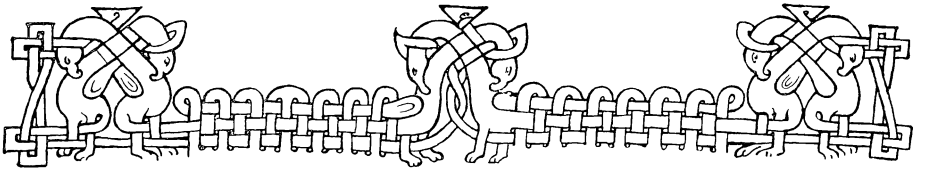


Рис. 12. Нижняя сторона миніатюры изъ Пролога XIV в. (Император. Публичн. Библіотека въ СПБ.).

Очерки по исторіи русской книжности и чтенія

V.

Украшенія въ древне-русскихъ писанныхъ книгахъ.

ДРЕВНІЕ русскіе люди чрезвычайно любили книги. Писаніе и чтеніе книгъ они почитали подвигомъ. Отъ переписыванія и чтенія книгъ они ожидали для себя большой и многоразличной пользы.

По понятіямъ древнихъ русскихъ людей, тотъ, кто занимался книгописаніемъ, могъ надѣяться на полученіе троякаго блага для себя. „Первое“, говорили они, „отъ своихъ трудовъ питаешися, второе—празднаго бѣса изгониши, третіе—съ Богомъ бесѣдовати имаши“ [29]).

Въ древнемъ русскомъ сборникѣ назидательныхъ статей для мірянъ [30]), написанномъ, повидимому, въ Кіевѣ, при великомъ князѣ Святославѣ Ярославичѣ, великая польза и чрезвычайная благодѣтельность книги и чтенія ея описывается въ такихъ витіеватыхъ словахъ „нѣкоего калугера“ (монаха): „добро есть, братіе, почитаніе книжное. Узда коневи правитель есть и воздержаніе; праведнику же—книги. Не составить бо ся корабль безъ гвоздій, ни праведникъ безъ почитанія книжнаго. Красота воину—оружіе и кораблю—вѣтрила; тако и праведнику—почитаніе книжное“ [31]).

Такого же возвышеннаго и благороднаго взгляда на книгу и на писаніе и „почитаніе“ ея держались на Руси и послѣ до самаго появленія книгопечатанія. По свидѣтельству отцовъ Стоглаваго Собора, бывшаго въ Москвѣ въ половинѣ XVI вѣка, „прежъ сего въ россійскомъ царствіи грамотѣ и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было; пѣвцы и четцы и доброписцы тогда славны были по всей земли и до днесь“ [32]).

Такой взглядъ на книгу и на пользу ея, естественно, воспитывалъ въ древнихъ русскихъ людяхъ уваженіе и любовь къ книгѣ, заботливое отношеніе къ ней. Любовь къ книгѣ и заботливость о ней выражались, между прочимъ, въ томъ, что древне-русскіе люди

[29]) См. у А. И. Кирпичникова. Очеркъ исторіи книги. СПБ. 1888 г. Стр. 34.

[30]) См. о немъ у И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). СПБ. 1863 г. Стр. 16—17, ср. 141—145.

[31]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. Изд. 2-е. СПБ. 1908 г. Стр. 1.

[32]) См. у А. И. Кирпичникова. Очеркъ исторіи книги. СПБ. 1888 г. Стр. 36.

старались всячески украшать свои писанныя книги.

Украшенія рукописныхъ книгъ были въ большомъ употребленіи еще у грековъ и южныхъ славянъ. Отъ нихъ обычай украшать книги и самые способы подобнаго украшенія ихъ перешли и къ намъ, въ Россію. Украшенія рукописныхъ книгъ состояли въ миніатюрахъ, заставкахъ и нарочито сдѣланныхъ инціалахъ.

Подъ именемъ миніатюръ [33]), въ широкомъ смыслѣ этого слова, разумѣются всѣ вообще рисунки въ старинныхъ рукописяхъ, сдѣланные кистью или перомъ и состоящіе изъ инціаловъ, заставокъ и отдѣльныхъ изображеній, украшающихъ или поясняющихъ текстъ книги. Но въ болѣе тѣсномъ и спеціальномъ смыслѣ это названіе усвояется собственно отдѣльнымъ изображеніямъ (портретамъ и картинамъ), преимущественно небольшого размѣра, съ тщательной отдѣлкой деталей, которыя (изображенія) употреблялись въ древнихъ рукописныхъ книгахъ.

Миніатюры въ древнихъ русскихъ писанныхъ книгахъ имѣютъ различный видъ и характеръ. Бо́льшею частью онѣ представляютъ изображенія отдѣльныхъ лицъ, напр., евангелистовъ, ап. Павла, царя Давида и т. п. Въ другихъ случаяхъ миніатюры представляютъ болѣе или менѣе сложныя композиціи, причемъ изображаются или соборъ святыхъ, или цѣлыя семейства лицъ, имѣющихъ такое или иное отношеніе къ рукописной книгѣ, въ которой они помѣщались, и т. п.

Къ числу древнѣйшихъ русскихъ миніатюръ должны быть отнесены миніатюры, находящіяся въ Изборникѣ т. н. Святославовомъ

Рис. 13. Миніатюра изъ рукописн. евангелія 1507 г.

1073 г. [31]). Этотъ Изборникъ (съборъ отъ многъ отьць) былъ составленъ первоначально неизвѣстнымъ грекомъ и потомъ былъ переведенъ на славянскій языкъ для болгарскаго князя Симеона (до 928 г.). Въ Россіи, вѣроятно, въ Кіевѣ, онъ былъ переписанъ ок. 1073 г. для великаго князя Святослава Ярославича († 1076

[33]) Отъ латинскаго слова minium=киноварь, которая обыкновенно употреблялась для разрисовыванія писанныхъ книгъ.

[34]) См. о немъ у И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). СПБ. 1863 г. Стр. 16; ср. 138—141.

г.). Онъ написанъ уставомъ на пергаментѣ. Въ началѣ Изборника помѣщены нѣсколько миніатюръ, довольно красиво и тщательно сдѣланныхъ. На одной изъ нихъ изображенъ самъ князь Святославъ съ своимъ семействомъ.

На рисункѣ № 10 представляемъ точный снимокъ листа 129 этого замѣчательнаго памятника древне-русской письменности [35]), съ заставкою вверху и украшеніями внизу листа.

Рис. 14.

Миніатюры въ рукописныхъ книгахъ XIII—XIV в. не отличаются особеннымъ изяществомъ и тщательностію отдѣлки. По крайней мѣрѣ, мы можемъ сказать это съ положительностью относительно нашихъ западно-русскихъ книгъ. Вѣроятно, общее политическое состояніе Руси того времени отразилось на такомъ характерѣ украшенія рукописныхъ книгъ.

Для знакомства съ миніатюрами, употреблявшимися въ книгахъ XIII XIV в. в., отсылаемъ желающихъ къ миніатюрѣ на рисункѣ № 5, а также и къ рис. 12, на которомъ изображена нижняя сторона миніатюры изъ Пролога XIV в.

Въ позднѣйшихъ рукописныхъ книгахъ, начиная съ XV—XVI в. в., миніатюры стали употребляться чаще. Самыя миніатюрныя изображенія этого времени отличаются большимъ изяществомъ и нерѣдко художественностью отдѣлки. Особенно это должно сказать о книгахъ, писавшихся въ сѣверной Россіи, напр. по заказу царей, или богатыхъ бояръ и др. лицъ для вклада въ монастыри или приходскіе храмы.

Для образца мы предлагаемъ на рисункѣ № 13 миніатюру, изображающую евангелиста Іоанна Богослова и находящуюся въ четвероевангеліи 1507 года [36]). Оно, какъ видно изъ послѣсловія на л. 373 об., было написано въ Москвѣ ок. 1507 г. для дворцоваго казначея

[35]) Онъ весь изданъ обществомъ любителей древней письменности, съ точнымъ воспроизведеніемъ подлинника при посредствѣ фотолитографіи, фотохромолитографіи и фотографіи. См. Памятниковъ древней письменности вып. LV. СПБ. 1880 г,

[36]) См. о немъ въ Памятникахъ древней письменности, вып. LVIII и LXXXVI: Заставки и миніатюры четвероевангелія 1507 года. СПБ. 1880—1881 г.

П. П. Третьякова неизвѣстнымъ каллиграфомъ, скрывшимъ свое имя подъ тремя буквами: Ник. Въ писаніи золотомъ ему помогалъ М. Я. Медоварцевъ. А миніатюры для этого евангелія, съ изображеніями 4-хъ евангелистовъ, писалъ Ѳеодосій Діонисіевъ Зографъ, который вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ его Владиміромъ въ одномъ современномъ памятникѣ называются за свое искусство „изящными и хитрыми въ русской землѣ иконописцы, паче же рещи живописцы". Миніатюры, съ изображеніями евангелистовъ, писанныя Ѳеодосіемъ Зографомъ, дѣйствительно, отличаются художественною красотою.

Рукопись, содержащая въ себѣ четвероевангеліе 1507 г., находится теперь въ Императорской публичной библіотекѣ. Она писана на плотной лощеной бумагѣ въ малый листъ, уставомъ, по 18 строкъ на страницѣ. Всего въ ней 384 л. л., включая сюда и бѣлые листы (104, 342 и 343).

Необходимо отмѣтить, что западно-русскія писанныя книги XV—XVI в.в., вообще, небогаты миніатюрами, причемъ эти послѣднія не отличаются особеннымъ изяществомъ, ни художественною обработкою деталей.

Кромѣ миніатюръ, въ древнихъ русскихъ писанныхъ книгахъ употреблялись еще з а с т а в к и [37]). Подъ именемъ заставокъ извѣстны въ палеографіи украшенія, находящіяся предъ началомъ книги, предъ отдѣльными частями, или статьями книги.

Форма и характеръ заставокъ, употреблявшихся въ древне-русскихъ писанныхъ книгахъ, имѣютъ свою исторію. Заставки XI—XII в.в. рисовались русскими книгописцами подъ замѣтнымъ и сильнымъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Заставки этого времени преимущественно представляли или четыреугольную рамку, закрытую со всѣхъ сторонъ, съ чистымъ полемъ въ срединѣ рамки, назначеннымъ для помѣщенія на немъ заглавій книги, отдѣла, статьи и т. п., или такую же рамку съ открытою нижнею стороною, приспособленною для помѣщенія заглавій, или же, наконецъ, арку, служившую для тоїже цѣли. Орнаментъ ихъ состоитъ обыкновенно изъ мелкихъ цвѣтовъ, листьевъ, стеблей и вообще растительныхъ элементовъ въ ихъ естественныхъ формахъ. На ряду съ растеніями весьма часто употреблялись изображенія птицъ и животныхъ, именно павлиновъ, леопардовъ и рысей. Человѣческія изображенія въ немъ встрѣчались весьма рѣдко. Такой именно видъ и характеръ имѣютъ заставки, находящіяся въ лучшихъ нашихъ писанныхъ книгахъ XI XII в.в., а именно: Остромировомъ евангеліи (1057 г.), Святославовомъ Изборникѣ (1073 г.) и Мстиславовомъ евангеліи начала XII в. (до 1117 1125 г.г.) [38]).

Уже въ XII в. можно замѣчать у русскихъ книгописцевъ наклонность къ новому направленію въ отношеніи писанія заставокъ. Это направленіе складывалось, повидимому, подъ вліяніемъ западно-европейскимъ и отчасти южно-славянскимъ. Особенность новаго направленія заключалась въ томъ, что въ заставкахъ съ этого времени начинаютъ употребляться изображенія животныхъ, или отдѣльныхъ частей ихъ, обыкновенно перевитыхъ ремнями. Такой видъ имѣютъ, напр., заставки, находящіяся въ Юрьевскомъ евангеліи, написанномъ около 1120 г. [39]).

Съ XIV в. въ нашихъ рукописныхъ книгахъ окончательно установился особенный т. н. тератологическій, или ч у д о в и щ н ы й

---

[37]) Академикъ Соболевскій А. И. слово: „заставки" производитъ отъ глагола: „з а с т а в и т и" въ значеніи: украсить. См. его Славяно-русская палеографія. Спб. 1908 г., стр. 72.

[38]) См. о нихъ у И. И. Срезневскаго. Славяно-русская палеографія XI—XIV в.в. Спб. 1885 г., стр. 104—116, 142—146.

[39]) См. о немъ тамъ же, стр. 146—148.

стиль писанія заставокъ. Заставки этого стиля имѣютъ обыкновенно форму прямоугольнаго четыреугольника, внутри котораго находятся или 1) чудовищные звѣри и птицы (по два, симметрически расположенные), перевитые ремнями и вѣтвями до такой степени, что трудно опредѣлить, гдѣ оканчивается животное и гдѣ начинается ремень, или вѣтвь, или 2) человѣкъ, весь заплетенный ремнями и вѣтвями [40]).

На рисункахъ №№ 6 и 8 представлены фотографически снятыя заставки, находящіяся въ евангеліи Кіево-Печерской лавры XIV в.

Въ XIV в. встрѣчаются въ нашихъ рукописныхъ книгахъ, наряду съ заставками чудовищнаго стиля, и заставки болѣе простого характера, состоящія изъ различнаго сочетанія отдѣльно нарисованныхъ, или же пересѣкающихся круговъ. Академикъ Соболевскій А. И. усматриваетъ въ этомъ слѣды вліянія южно-славянскихъ рукописей XII XIII в.в. на нашихъ книгописцевъ XIV в. [41]).

Образцомъ такихъ заставокъ могутъ служить заставки, находящіяся въ Апостолѣ, принадлежащемъ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи. Онъ писанъ на пергаментѣ невысокаго достоинства, некрупнымъ уставомъ, въ 4-ку, на 147 л.л. На л. 2-мъ находится довольно поистершаяся миніатюра, съ изображеніемъ св. ап. Павла, сдѣланная въ краскахъ. На л.л. 42, 48 об., 54 об., 55, 69, 82 об., 83 и 113 об. имѣются заставки довольно просто сдѣланныя. Другія заставки, находящіяся въ немъ, отличаются еще бо́льшею простотою.

На рис. 9 представленъ фотографически снятый л. 83 этого Апостола, относящагося, повидимому, къ XIV в., съ заставкою.

Въ рукописяхъ XV—XVI в.в. заставки получаютъ уже опредѣленный новый видъ и характеръ. Онѣ теперь составляются изъ пересѣкающихся круговъ, украшенныхъ сверху и съ боковъ рядомъ отдѣльныхъ цвѣточковъ на стебелькахъ, или же гирляндами изъ вѣточекъ и цвѣточковъ. Образцовыми заставками этого типа могутъ быть признаны заставки въ вышеупомянутомъ московскомъ евангеліи 1507 г. Этотъ типъ заставокъ иногда называется геометрическимъ, или стилемъ возрожденія, такъ какъ онъ образовался изъ прежняго византійскаго типа, подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, въ частности —итальянскимъ [42]).

Западно-русскія писанныя книги XVI в. вообще отличаются сравнительной бѣдностію иллюстрацій. Заставки ихъ имѣютъ преимущественно геометрическій типъ [43]).

На рис. 15 представленъ точный снимокъ заставки изъ Михайловскаго евангелія-тетра XVI в. Оно писано на бумагѣ, въ листъ, довольно краснвымъ полууставомъ, на 152 л. л. Въ рукописи 5 заставокъ (см. рис. 11) [44]).

Въ качествѣ орнамента въ древнихъ русскихъ писанныхъ книгахъ употреблялись еще особеннымъ образомъ украшенныя начальныя буквы, или и н и ц і а л ы, находившіеся въ началѣ книги, главы, евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, псалмовъ и т. п. Орнаментація заглавныхъ буквъ въ старинныхъ рукописныхъ книгахъ находилась вообще въ бо́льшей или меньшей зависимости отъ орнаментаціи заставокъ, хотя иногда имѣла и самостоятельный характеръ. Въ книгахъ XI—XII в.в. ини-

[40]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. Спб. 1908 г., стр. 63.

[41]) См. тамъ же, стр. 65—66.

[42]) См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія. Спб. 1908 г., стр. 67.

[43]) См. тамъ-же стр. 70.

[44]) См. о немъ у Г. Крыжановскаго. Рукописныя евангелія Кіевскихъ книгохранилищъ. К. 1889 г. стр. 167—177.

ціалы отличаются красотою рисунка и живостью и разнообразіемъ послѣдняго, причемъ изрѣдка, въ качествѣ орнаментовъ, употребляется изображеніе круглаго и румянаго человѣческаго лица. Въ большинствѣ же рукописей даннаго времени инціалы состоятъ обыкновенно изъ простыхъ плетеній. Въ книгахъ XIII—XIV в.в. они состоятъ уже преимущественно изъ чудовищныхъ животныхъ, заплетенныхъ въ ремни и вѣтви, притомъ или съ листьями въ пастяхъ и на мѣстѣ хвостовъ, или съ человѣческими головами въ шапкахъ, переходящихъ въ листья. Иногда въ рукописяхъ этого времени инціалы имѣютъ форму человѣческихъ фигуръ въ оригинальныхъ одеждахъ и шапкахъ, то занятыхъ какою либо работою, то запутанныхъ въ ремни и вѣтви.

Всѣ эти инціалы нашихъ рукописныхъ книгъ XIII—XIV в.в. имѣютъ, повидимому, какой-то особенный смыслъ и значеніе [45]).

Типичнымъ представителемъ орнаментистики инціаловъ въ нашихъ старинныхъ писанныхъ книгахъ въ стилѣ чудовищномъ можетъ служить кіевское лаврское евангеліе XIV в. Оно написано на плотномъ пергаментѣ, крупнымъ уставомъ, въ листъ, въ два столбца, на 181 л.л. (рукопись безъ конца). Въ немъ имѣются три заставки на л. 1, 72 и 158 об. (см. рис. №№ 6 и 8) [46]). Инціалы въ немъ представляютъ самыя разнообразныя фигуры животныхъ, изрѣдка людей, обвитыхъ ремнями и вѣтвями, сдѣланныхъ красною, синею и желтою красками. Особеннымъ разнообразіемъ, фигурностью и искусственностью отличаются инціальныя буквы В и Р, наиболѣе часто встрѣчающіяся въ этомъ евангеліи.

Въ книгахъ позднѣйшаго времени (XV XVI в.в.) инціалы преимущественно имѣютъ видъ крупныхъ буквъ болѣе или менѣе вычурной формы, написанныхъ простыми чернилами и какъ бы перевязанныхъ въ разныхъ частяхъ узлами. Встрѣчаются въ это время и инціалы, состоящіе изъ стеблей, листьевъ и вообще растительныхъ элементовъ, болѣе или менѣе разнообразно раскрашенныхъ.

Въ нашихъ южно-русскихъ книгахъ XVI в. употреблялись иногда инціалы крупныхъ размѣровъ, исполненные чернилами и киноварью. Инціалы Пересопницкаго рукописнаго евангелія XVI в. представляютъ подражаніе инціаламъ западно-европейскихъ и нашихъ западно-русскихъ печатныхъ изданій [47]).

VI.

Матеріалы, употреблявшіеся въ древней Руси для писанія книгъ.

Въ древней Руси писали книги на пергаментѣ, бумагѣ, берестѣ, лубкѣ и на деревянныхъ доскахъ. Всѣ эти матеріалы книгописанія употреблялись у народовъ, ранѣе насъ, русскихъ, выступившихъ на историческую сцену. Отъ грековъ и южныхъ славянъ, нашихъ учителей въ дѣлѣ рукописанія, всѣ эти матеріалы перешли и къ намъ.

Древнѣйшимъ матеріаломъ, на которомъ въ Россіи стали писать книги, былъ пергаментъ [48]). Подъ именемъ пергамента извѣ-

---

[45]) Любопытную попытку опредѣлить этотъ смыслъ и значеніе ихъ можно читать въ рефератѣ В. Стасова: „Картины и композиціи, скрытыя въ заглавныхъ буквахъ древнихъ русскихъ рукописей." См. Памятниковъ древней письменности вып. XLIX Спб. 1884. г.

[46]) См. у Г. Крыжановскаго. Рукописныя евангелія Кіевскихъ книгохранилищъ. К. 1889 г., стр. 53—82.

[47]) См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія. Спб. 1908 г. стр. 62—70.

[48]) Пергаментъ получилъ свое названіе отъ имени Пергама — столичнаго города древняго царства Пергамскаго (въ Мизіи), основаннаго на развалинахъ Македонской имперіи. По одной исторической традиціи, пергамскій царь Евменъ II (197—158 г.г. до Р. Хр.), бывшій покровителемъ наукъ и

стна особеннымъ образомъ приготовленная кожа, употреблявшаяся (и теперь иногда употребляющаяся) для письма. Пергаментъ выдѣлывался обыкновенно изъ телячьей, бараньей и козьей кожи [49]).

Первоначально (въ XI—XII в.в.) у насъ въ

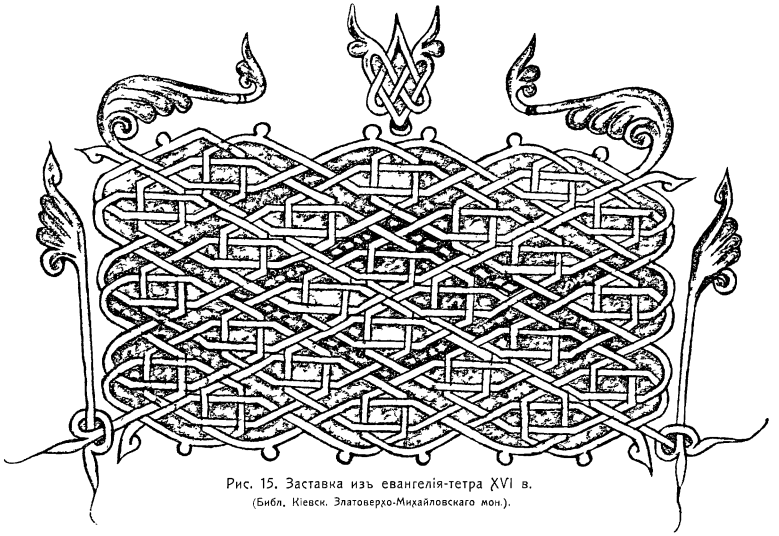


Рис. 15. Заставка изъ евангелія-тетра XVI в.
(Библ. Кіевск. Златоверхо-Михайловскаго мон.).

искусства, собралъ у себя очень большую библіотеку. Египетскіе Птоломеи, не желавшіе имѣть конкурренцію для себя въ видѣ пергамской библіотеки, запретили вывозъ изъ Египта папируса, который былъ тогда самымъ распространеннымъ матеріаломъ для книгописанія. Тогда Евменъ II устроилъ въ Пергамѣ фабрику для выдѣлки кожъ, какъ матеріала для письма. Отъ города Пергама произошло и самое названіе пергамента (Ср. у † проф. В. В. Болотова. Лекціи по исторіи древней церкви. I. Введеніе въ церковную исторію. Посмертное изданіе подъ редакціей проф. А. Брилліантова. Спб. 1907 г. стр. 45). Впрочемъ, у насъ, въ Россіи слово „пергаминъ“ для обозначенія „писчей кожи“ стало употребляться сравнительно очень поздно (во второй половинѣ XVII в.). До того же времени обыкновеннымъ названіемъ пергамента въ Московской Руси было греческое = χαρτίον = харатья, откуда и наше русское выраженіе: „харатейные списки“. Западная Русь въ XVI—XVII в.в. пользовалась терминами: „пергаменъ, паркгаменъ, паркоменъ“, заимствованными изъ польскаго языка. См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія. Изд. 2. Спб. 1908 г. стр. 39.

Россіи употреблялся пергаментъ, привозившійся изъ Греціи въ готовомъ видѣ. Онъ отличается особенною тонкостью, бѣлизною и тщательностью полировки. Сохранившіяся изъ нашихъ древнѣйшихъ рукописей особенно Остромирово евангеліе (1056—1057 г.г.) и Мстисла-

[49]) Въ древне-русскихъ рукописяхъ нерѣдко „встрѣчаются выраженія: „кожа“, „мѣхъ“, „телятина“, „овчина“ для обозначенія матеріала, на которомъ писались книги. Такъ, напримѣръ, инокъ Зиновій Отенскій въ своемъ сочиненіи: „Истины показаніе“ (XVI в.), спрашиваетъ относительно книги: „написана (она) на бумагѣ или на кожахъ“? См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія. Изд. 2. Спб. 1908 г. стр. 39.

вово Новгородское евангеліе (до 1117–1125 г.г.), писаны на такомъ именно пергаментѣ [50]).

Въ рукописяхъ XIII—XIV в.в. пергаментъ отличается болѣе грубою выдѣлкою. Онъ большею частью довольно толстый и въ немъ нерѣдко встрѣчаются прорывы, которые получались, вѣроятно, во время вытягиванія и выравниванія кожи. Пергаментъ этого времени приготовлялся, вѣроятно, у насъ въ Россіи своими мастерами. Позже (въ XV—XVII в.в.) нашими русскими книгописцами употреблялся пергаментъ, привозившійся въ Россію изъ З. Европы, напр., ганзейскими купцами.

Пергаментъ, въ качествѣ матеріала для письма, преобладалъ у насъ до XV вѣка. Но и послѣ того, какъ была изобрѣтена бумага, которая, вслѣдствіе своей дешевизны, явилась очень опасною соперницею пергаменту, послѣдній продолжалъ употребляться для писанія наиболѣе дорогихъ и цѣнныхъ книгъ. Такъ, напр., извѣстное Пересопницкое евангеліе было написано въ XVI в. (или даже позже) на пергаментѣ [51]). Въ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи имѣется, „Книга о вѣрѣ“, написанная на очень чистомъ и хорошемъ пергаментѣ, очевидно, въ XVII в.

Пергаментъ былъ очень дорогимъ матеріаломъ для писанія. Для написанія большой книги на пергаментѣ, очевидно, требовалось цѣлое стадо животныхъ. Потому неудивительно, если такой матеріалъ берегли. Вслѣдствіе дороговизны пергамента, или трудности достать его, иногда дѣлали такъ, что тщательно смывали, или соскабливали прежде написанное на листахъ пергамента и затѣмъ снова писали на нихъ, что̀ нужно было. Такому обычаю старинныхъ книгописцевъ мы обязаны происхожденіемъ особенныхъ рукописей, называемыхъ палимпестами. На рис. 3 представленъ у насъ фотографически снятый листъ Слѣпченскаго Апостола—палимптеста изъ церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи. Въ палеографіи извѣстны примѣры такихъ палимпестовъ, когда писанный на пергаментѣ текстъ смывался нѣсколько (до 3) разъ. Собственно русскихъ палимптестовъ, повидимому, не сохранилось, или, быть можетъ, ихъ и совсѣмъ не было [52]).

Уже съ XIV в. у насъ начинаетъ употребляться, въ качествѣ матеріала для рукописанія, бумага. Въ XV, XVI и послѣдующихъ столѣтіяхъ бумага, какъ писчій матеріалъ, вслѣдствіе своей дешевизны, совершенно восторжествовала надъ пергаментомъ.

Изобрѣтеніе бумаги [53]) обыкновенно приписывается китайцамъ, хотя китайская бумага, приготовлявшаяся изъ шелка и бамбуковыхъ волоконъ, была особенная. По-

[50]) См. у И. П. Срезневскаго. Славяно-русская палеографія XI—XIV в.в. Спб. 1885 г. стр. 104—111 и 142—146.

[51]) См. Указатель Полтавскаго Епархіальнаго Древлехранилища, гдѣ нынѣ хранится это евангеліе. Полтава. 1909 г. стр. 31.

[52]) См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія. Изд. 2. Спб. 1908 г. стр. 40.

[53]) Покойный Срезневскій И. И. русское слово „бумага“ производилъ отъ греч. βαμβάκιον=датин. bambacium=ит. bambagio, bambagia=хлопчатникъ, причемъ „am“ у насъ перешло въ у, по обычаю измѣненія носовыхъ звуковъ (см. его Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Спб. 1890 г. стр. 193). Соболевскій А. И., признавая слово: „бумага“ спеціально русскимъ („принадлежитъ одному русскому языку“), сопоставляетъ его съ близкими къ нему по звукамъ словами греч. βόμβαξ, βόμβυξ, βαμβαξ=хлопокъ; турецк. pambuk, pamuk, персидск. pambah, армянск. bambak, груз. bamba=хлопокъ. На основаніи этого сопоставленія, онъ дѣлаетъ то предположеніе, „что древнѣйшая въ Россіи бумага была изъ хлопка и что она была привезена къ намъ съ востока, изъ Средней Азіи, прямо или чрезъ посредство Персіи“. См. его Славяно-русская палеографія. Изд. 2-е. Спб. 1908 г. стр. 41.

ствованіе. глава. а.
Рис. 16. Листъ изъ евангелія XV—XVI в.
(Библ. Кіевск. дух. Акад.).

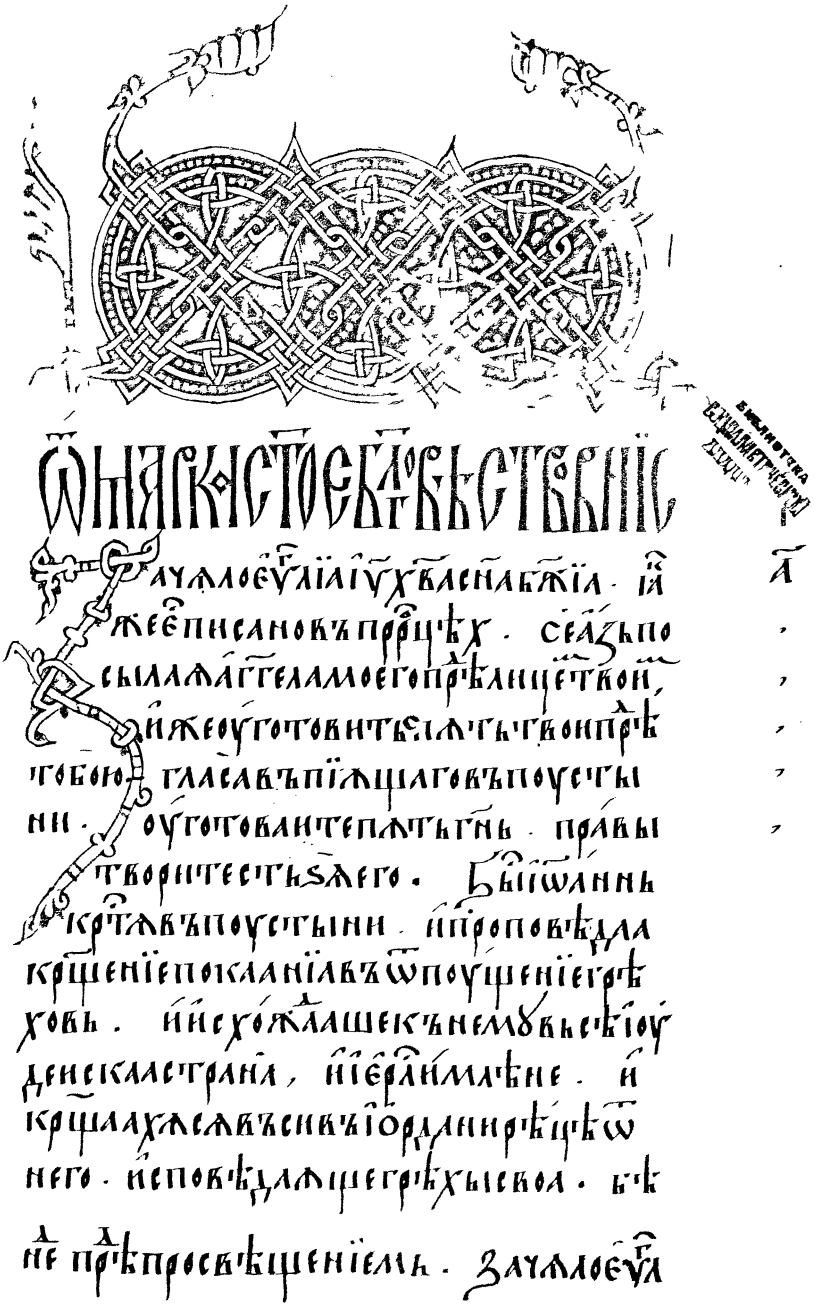


Рис. 17. Листъ изъ евангелія—тетра XVI в.
(Библ. Кіевск. Златоверхо-Мих. мон.).

Рис. 19. Гравюра на берестовомъ листѣ.

(Изъ церк.-арх. муз. при Кіев. Дух. Ак.).

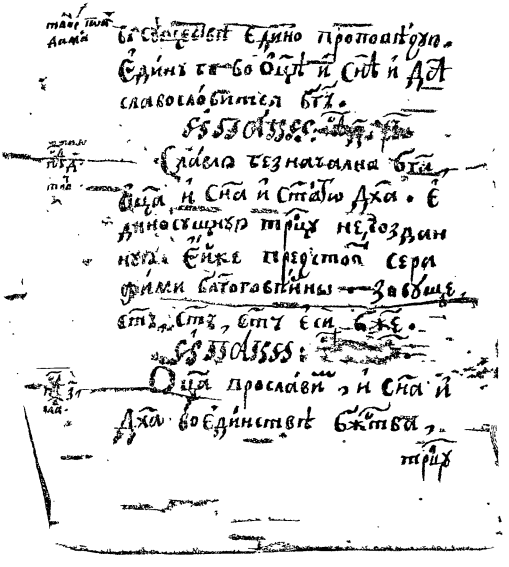


Рис. 18. Листъ рукописи на берестѣ.
(Изъ церк.-арх. муз. при Кіев. дух. Акад.).

этому болѣе вѣроятнымъ должно быть признано мнѣніе тѣхъ, которые родиной тряпичной писчей бумаги почитаютъ Туркестанъ, откуда она распространилась по Сиріи, Египту, Персіи и перешла въ Европу, а затѣмъ и къ намъ [54]).

Въ палеографіи обыкновенно различается бумага въ собственномъ смыслѣ, приготовлявшаяся изъ тряпокъ, пеньки и льна, и т. н. бомбицина, которая выдѣлывалась, будто бы, спеціально изъ хлопка, или бамбука. Но новѣйшіе изслѣдователи отрицаютъ подобное различеніе между бумагою и бомбициною, признавая эти послѣднія названія только для обозначенія особыхъ періодовъ въ способѣ и качествѣ выдѣлки писчей тряпичной бумаги. Такъ, напр., Лихачевъ, слѣдуя за Briquet'омъ, Karabacek'омъ и Wiesner'омъ, пишетъ: „приготовленіе бумаги пережило нѣсколько періодовъ, изъ коихъ важнѣйшими являются два—такъ сказать — бомбицинный и бумажный. Сначала бумага выходила изъ рукъ мастера толстымъ, но неровнымъ, рыхлымъ слоемъ съ мохнатой, волокнистой поверхностью, слѣды чего сохранялись на каждомъ листѣ, несмотря на наклейку и сатинированіе. Эта-то бумага и получила названіе б о м б и ц и н ы въ убѣжденіи, что она въ противоположность другой бумагѣ выдѣлывалась изъ хлопка, а не изъ тряпокъ.

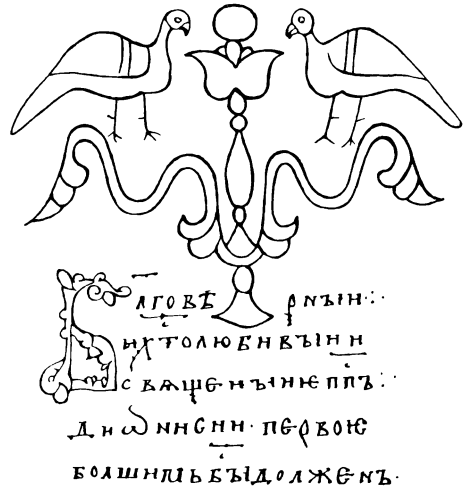


Рис. 20. Изборникъ Святослава л. 122.

Въ XIII уже столѣтіи въ Италіи мало-помалу рядомъ съ указанной бумагой возникаютъ усовершенствованные сорта ея. Измельченная и хорошо промытая масса ровно растекается по продольнымъ и поперечнымъ

[54]) См. у Н. П. Лихачева. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Памятниковъ древней письменности, вып. CXVI ч. I (Изслѣдованіе и описаніе филиграней). Спб. 1899 г. стр. IX.

нитямъ формы, такъ называемымъ vergeures и pontuseaux, и обращенная въ листъ бумаги даетъ на свѣтъ изображеніе прозрачной сѣти перекрещивающихся линій. Такая бумага въ отличіе отъ первой получила названіе тряпичной и въ палеографіи просто бумаги“ [55]).

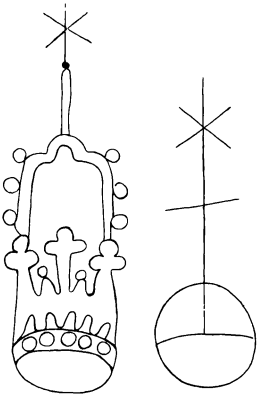


Рис. 21. Филиграни въ евангеліи XV—XVI в.
(Биб. Кіевск. Златоверхо-Михайловскаго мон.).

„Основной особенностью бомбицины“, по мнѣнію того же Лихачева, „является отсутствіе въ ней спеціальныхъ водяныхъ знаковъ и иногда особенное расположеніе вертикальныхъ линій = pontuseaux“ [56]).

Бумага, несмотря на свою дешевизну и нѣкоторыя другія удобства, въ качествѣ писчаго матеріала, не сразу и не скоро вошла въ употребленіе. Многіе долго не хотѣли признавать ее и, почитая ее очень непрочнымъ матеріаломъ, не соглашались замѣнять ею пергаментъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ издавались даже спеціальныя распоряженія, запрещавшія употреблять бумагу для писанія документовъ. Переходное время борьбы между пергаментомъ и бумагою, какъ матеріалами

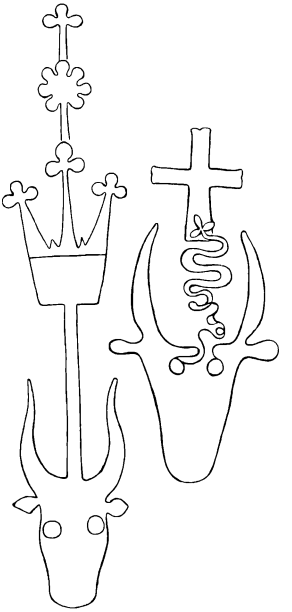


Рис. 22. Филиграни въ евангеліи тетра XVI в.
(Библ. Кіевск. Златоверхо-Михайловскаго мон.).

для письма, ознаменовалось даже оригинальнымъ явленіемъ. Нѣкоторые писали книги частію на пергаментѣ, частію же на бумагѣ [57]). Съ теченіемъ времени, впрочемъ, бумага пріобрѣтала право гражданства и постепенно сдѣлалась господствующимъ, почти исключительнымъ матеріаломъ для писанія книгъ.

[55]) См. тамъ же. Памятниковъ древней письменности вып. CXVI ч. 1 стр. X—XI; ср. у † проф. В. В. Болотова. Лекціи по исторіи древней церкви. I. Введеніе въ церковную исторію. Посмертное изданіе подъ редакціей проф. А. Брилліантова. Спб. 1907 г. стр. 46.

[56]) См. у Н. П. Лихачева. Цитов. соч. Памятниковъ древней письменности вып. CXVI, ч. I, стр. XV.

[57]) См. тамъ же, ч. I, стр. XX.

Отличительную особенность тряпичной бумаги, какъ сказано, составляютъ водяные знаки, или филиграни. Подъ этими послѣдними въ палеографіи обыкновенно подразумѣваются особенные водяные знаки, употреблявшіеся мастерами и фабрикантами бумажнаго производства для обозначенія фирмы и вмѣстѣ сорта бумаги. Филиграни, съ одной стороны, представляли этикетъ, охранявшій интересы фирмы, а съ другой стороны, служили клеймомъ, которое обозначало лучшій сортъ товара и защищало его отъ контрафакціи [58]).

Бумажные водяные знаки появляются съ конца XIII в. и составляютъ, повидимому, изобрѣтеніе чисто европейское, бывшее неизвѣстнымъ на востокѣ — родинѣ бумажнаго производства. Филиграни отличаются большимъ разнообразіемъ рисунковъ. Ими палеографы пользуются, между прочимъ, для опредѣленія времени написанія недатированныхъ книгъ [59]).

Русскіе книгописцы долго пользовались бумагою иностраннаго производства. Только съ XVII в. бумага для писанія и печатанія книгъ стала приготовляться у насъ въ Россіи. Это послѣднее заключеніе наше одинаково относится какъ къ сѣверной, такъ и къ южной Россіи.

Въ XVI и XVII в.в. у насъ употреблялась еще бумага высшаго достоинства, плотная и имѣвшая большой форматъ. Эта бумага извѣстна подъ именемъ александрійской. Академикъ А. И. Соболевскій высказываетъ предположеніе, что въ древности, задолго до XVI вѣка, подобная бумага приготовлялась въ Александріи (египетской) и привозилась въ Россію изъ Греціи [60]).

Въ Западной Руси слово „бумага“ для обозначенія писчаго матеріала замѣнялось выраженіями: „поперъ“, или „папѣрь“, иногда: „папѣрь александрѣйская“ [61]).

Кромѣ бумаги и пергамента, въ древней Руси употреблялась еще, въ качествѣ писчаго матеріала, береста. Верхній слой березовой коры выглаживался, сушился и обрѣзывался на подобіе бумажныхъ листковъ, на которыхъ и писали съ обѣихъ сторонъ. Берестовый матеріалъ былъ очень хрупкимъ и непрочнымъ, и потому, очевидно, только крайняя нужда и бѣдность заставляли пользоваться имъ для писанія. Дѣйствительно, въ сказаніи Іосифа Волоцкаго о святыхъ отцахъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующія слова: „толику же нищету и нестяжаніе имѣяху, яко въ обители блаженнаго Сергія и самыя книги не на хартіяхъ (т. е. пергаментѣ) писаху, на берестѣ“ [62]).

Вслѣдствіе непрочности матеріала, книгъ, писанныхъ на берестѣ, сохранилось весьма мало. Для образца на рис. № 18 предлагаемъ фотографически снятый листокъ изъ старооб-

---

[58]) См. тамъ же, ч. I, стр. XVIII.

[59]) Интересующимся подробностями о филиграняхъ рекомендуемъ не разъ уже упоминавшееся у насъ капитальное спеціальное сочиненіе Н. П. Лихачева о палеографическомъ значеніи бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ частей, причемъ въ первой части, послѣ общихъ свѣденій о писчей бумагѣ и филиграняхъ, содержится описаніе 4258 водяныхъ бумажныхъ знаковъ и 17 автотипическихъ таблицъ—снимковъ съ бумаги XIV—XVI в.в., во второй—предметный и хронологическій указатели и въ третьей—альбомъ 4258 снимковъ бумажныхъ водяныхъ знаковъ на 635 таблицахъ. Впрочемъ, несмотря на всю серьезность, обстоятельность и обширность разсматриваемаго труда, онъ не можетъ быть признанъ вполнѣ исчерпывающимъ трактуемый предметъ. Въ особенности это должно сказать относительно западнорусскихъ писанныхъ и печатныхъ книгъ.

[60]) См. его Славяно-русская палеографія. Изд. 2. Спб. 1908 г. стр. 42.

[61]) См. тамъ же, стр. 41—42.

[62]) См. у Н. П. Лихачева. Цит. соч. ч. I, стр. X ср. у А. И. Кирпичникова. Очеркъ исторіи книги. Спб. 1889 г. стр. 33.

рядческой рукописи XIX в. о крестномъ знамени, писанной на берестѣ и доставленной въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной Академіи изъ окрестностей Мезени [63]).

Замѣчательно, что находились любители, или охотники, которые пробовали даже печатать на берестѣ. На рис. № 19 представляется фотографическій снимокъ съ печатной гравюры на берестѣ, изображающей (гравюры) евангелиста Марка и хранящейся въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской духовной Академіи.

Въ разныхъ историческихъ памятникахъ имѣются указанія на то, что въ древней Россіи писали иногда на лубкѣ и на доскахъ [64]). Удивляться этому не приходится, такъ какъ извѣстно, что и въ болѣе глубокой древности, напр., греки и римляне писали на деревянныхъ доскахъ, которыя иногда, покрайней мѣрѣ, покрывались для этой цѣли воскомъ. Очевидно, то же самое могло быть и у насъ въ древней Руси. Въ юридическихъ актахъ XV в. встрѣчаются выраженія: „да и на лубъ выписались..." „да и велись по лубу". Палеографія не знаетъ однако же книгъ, или документовъ русскихъ, писанныхъ на лубу, или на деревянныхъ доскахъ...

VII.

Орудія письма въ древней Руси.

Древне-русскіе книгописцы пользовались особыми спеціальными орудіями для своей работы.

Они, прежде всего, приготовляли листы и тетради, на которыхъ собирались писать. Приготовленіе пергамента состояло приблизительно въ слѣдующемъ. Цѣлая кожа, высушенная, очищенная отъ шерсти и хорошо выровненная, обрѣзывалась въ видѣ квадрата и складывалась вдвое. Нѣсколько такихъ кожъ, особымъ способомъ скрѣпленныхъ между собою, и составляли книгу размѣромъ in folio различной вышины и ширины. Такимъ образомъ, размѣръ современныхъ нашихъ печатныхъ книгъ прототипомъ своимъ имѣетъ старинную пергаментную рукописную книгу. По образцу пергаментныхъ листовъ, съ теченіемъ времени приготовлялись и складывались также и бумажные листы.

Пергаментныя книги писались чаще всего въ чертвертую долю листа, а бумажныя—въ листъ [65]). Книги въ листъ писались обыкно-

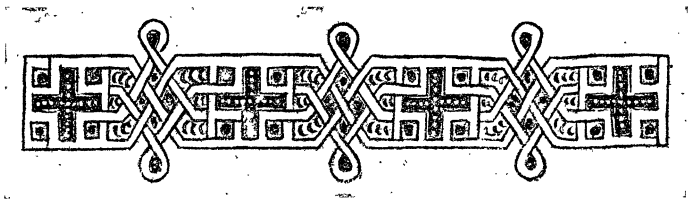


Рис. 23. Заставка изъ евангелія XV—XVI в.
(Библ. Кіев. Дух. Акад.)

[63]) См. по указателю музея. Изд. 2. К. 1897 г., стр. 208, № 219.

[64]) См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія. Изд. 2. Спб. 1908 г., стр. 43.

[65]) См. у И. И. Срезневскаго. Древнія русскія книги. Спб. 1864 г. стр. 6.

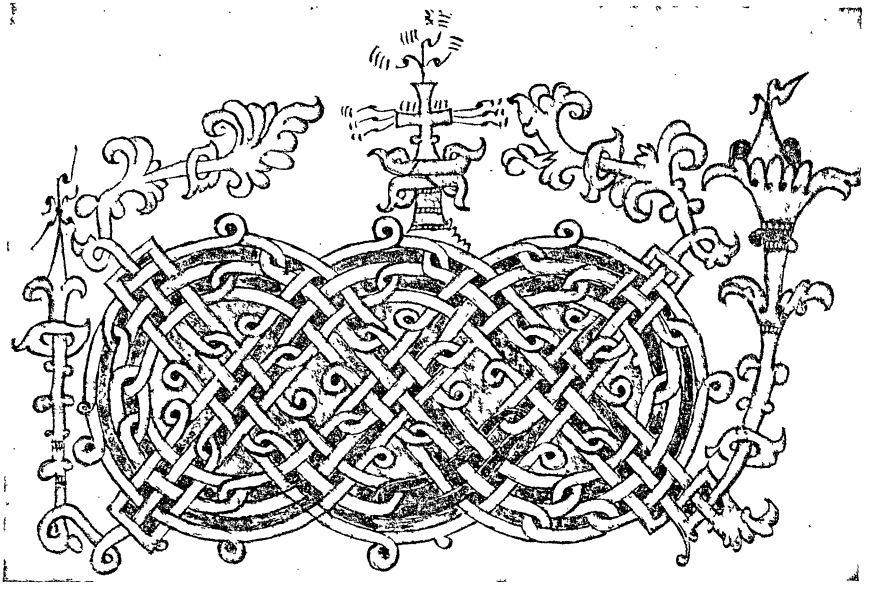


Рис. 30. Заставка изъ рукописнаго четвероевангелія XVII в. Библ. Кіевск. дух. Акад.

венно въ два столбца; книги же въ четвертую и восьмую доли были—въ одинъ столбецъ [66]).

Каждая страница книги напередъ р а з л и н е и в а л а с ь. При этомъ обыкновенно оставлялись свободными болѣе или менѣе широкія поля, называемыя въ памятникахъ „берегами“, во всѣ стороны. Мѣста для строкъ точно обозначались также линіями, между которыми оставлялось приблизительно одинаковое разстояніе. Писали обыкновенно надъ линіями и рѣдко подъ ними, а еще рѣже между линіями.

Линіи на пергаментныхъ листахъ для обозначенія полей („береговъ“) и строкъ проводились особыми острыми орудіями, быть можетъ, острыми ножами. Встрѣчаются въ древнихъ рукописяхъ такіе тонкіе кожаные листы, которые, при разлинеиваніи, видимо, прорѣзывались насквозь [67]).

[66]) См. тамъ же, стр. 7.

[67]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. Изд. 2-е. Спб. 1908 г. стр. 45.

На древнихъ миніатюрахъ и теперь еще можно различать линіи, которыя проводились острымъ орудіемъ на пергаментныхъ листахъ для обозначенія полей и строкъ.

Для примѣра можемъ указать на миніатюры на рисункахъ подъ №№ 5 и 13.

Бумажные листы приготовлялись для письма приблизительно такъ же, какъ и пергаментные.

Для разлинеиванія бумаги, складывавшейся при этомъ тетрадями, употреблялся особый приборъ, который называется въ памятникахъ к а р а м с о ю. Эта послѣдняя представляла собою доску съ туго натянутыми нитями, которыми и отбивались линіи для строкъ на листахъ бумаги.

Древне-русскіе книгописцы писали п е р о м ъ. Въ былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ, древнемъ русскомъ богатырѣ, говорится слѣдующее:

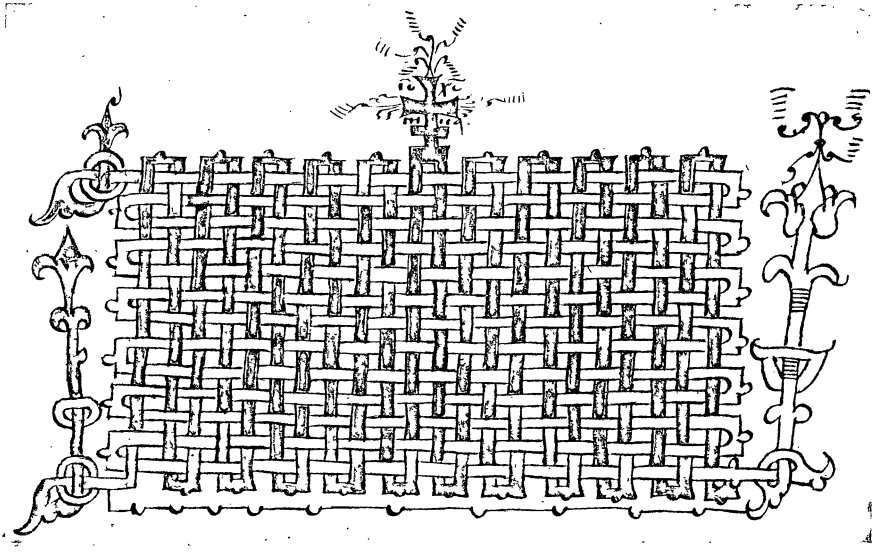


Рис. 29. Заставка изъ рукописнаго четвероевангелія XVI в. Библ. Кіевск. дух. Акад.

„Стали его грамотѣ учить:
„Грамота ему въ наукъ пошла.
„Посадили его перомъ писать:
„И письмо ему въ наукъ пошло“ [68]).

Древне-русскіе книгописцы пользовались, подидимому, всегда гусинымъ перомъ, какъ наиболѣе удобнымъ орудіемъ для письма. Впрочемъ, изрѣдка встрѣчаются въ памятникахъ указанія и на перья другихъ птицъ, употреблявшіяся въ качествѣ орудій для письма. Такъ, въ припискѣ къ псковскому Апостолу 1307 г. читается слѣдующая замѣтка: „псалъ есмь павьимь пером“ [69]).

Что касается другихъ орудій письма, употреблявшихся у древнихъ народовъ, какъ-то: шила (у китайцевъ), стиля (= желѣзной, или костяной палочки, заостренной съ одного конца и широко сплющенной съ другого —у римлянъ), калама, или трости, т. е. тростниковой палочки, очищенной на подобіе гусинаго пера (у римлянъ), то мы не имѣемъ свѣденій объ употребленіи ихъ древне-русскими книгописцами. Выраженіе нашего Даніила Заточника: „бысть языкъ мой трость книжника скорописца“ академикъ А. И. Соболевскій понимаетъ просто, какъ фразу, заимствованную древне-русскимъ писателемъ у псалмопѣвца [70]).

Древне-русскіе книгописцы писали обыкновенно чернилами. Чернила употреблялись, съ одной стороны, желѣзистыя для того, чтобы они глубже проникали въ кожу (пергаментъ) и крѣпче держались, а съ другой стороны, густыя—для того, чтобы они ложились толстымъ слоемъ на поверхности листовъ и скорѣе засыхали. Такія чернила

[68]) См., у А. И. Кирпичникова. Очеркъ исторіи книги. Спб. 1889 г. стр. 31.

[69]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. Изд. 2-е. Спб. 1908 г, стр. 45.

[70]) См. тамъ же.

Рис. 26. Листъ евангелія—тетра XVI в. (Изъ библ. Кіевск. Златоверх.—Мих. мон.).

Рис. 24. Листъ съ миніатюрою св. Луки.

(Изъ Остромирова евангелія 1056—57 г.).

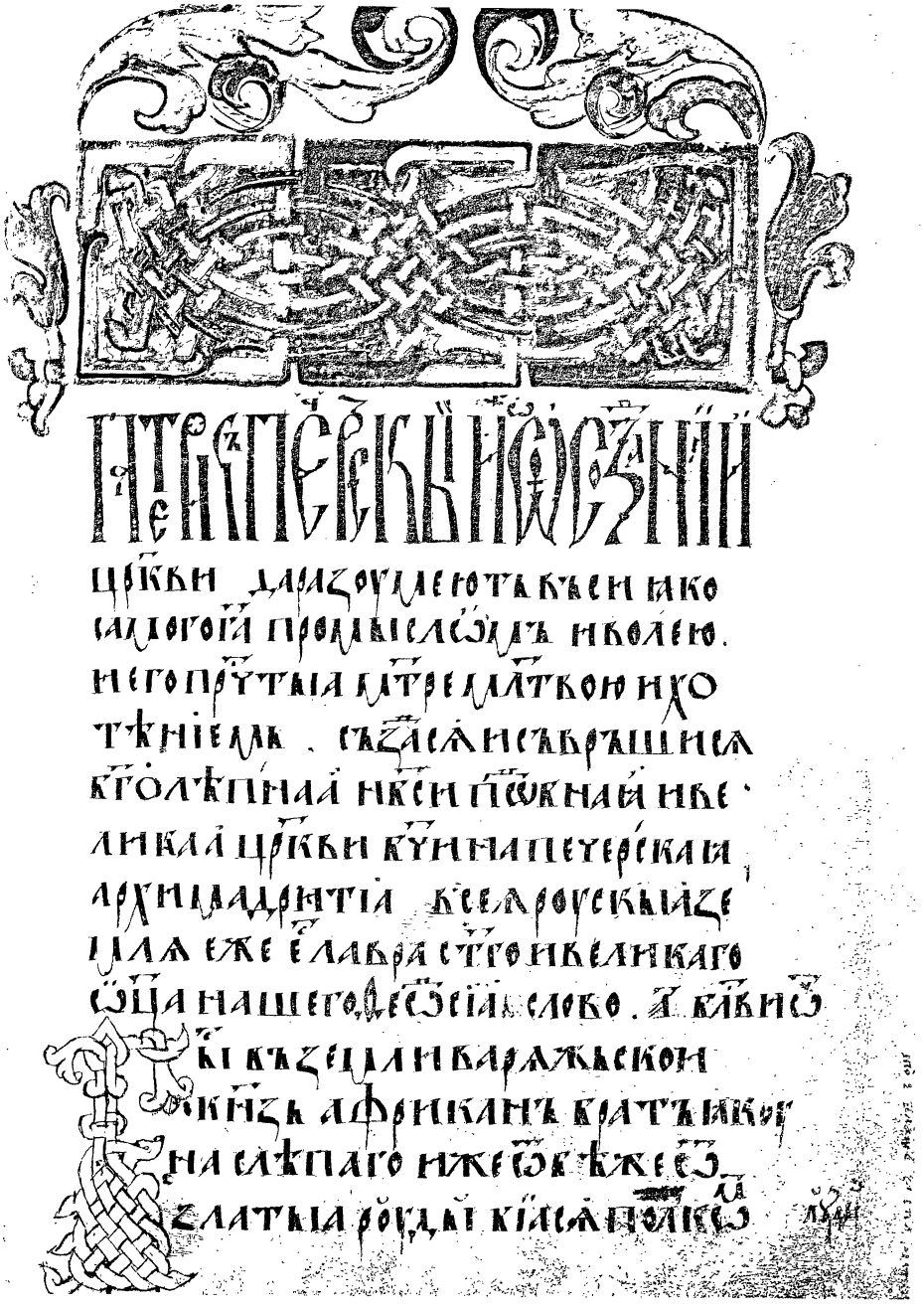


Рис. 25. Листъ Патерика Печерскаго XVI в.

(Изъ библ. Кіево-Печер. лавры).

Кн 6 Апостольскихъ

Капитола . 6 . Зач 1

а И гды ся выполнилъ дн҃ пѧтдесѧтницы, были вси
высполо҃ кат҃олв ѡбщ҃ мц҃ѣ.

б И сталъ ся зрꙋсъ зъвꙋкъ шꙋмъ ѣко вѣтрꙋ приспѣвающаго
вѣтрꙋ шивалтовного и напълнилъ вс҃ домъ гдѣ сѣдѣли
г И ꙗвишасѧ имъ розрѣленныи ѧзꙑцы ѣко ѻгнь. и
всѣлъ кождомꙋ зъ нихъ сосѣдъ

д И напълнишасѧ вси дх҃а с҃вѧтого, и почали ловити
ѧзꙑками ннꙑми, ѣко имъ дх҃ъ давалъ вымавляти

е Бꙑли ж҃ъ авѳ҃ѵ҃ѳ҃ѳ҃ѳ

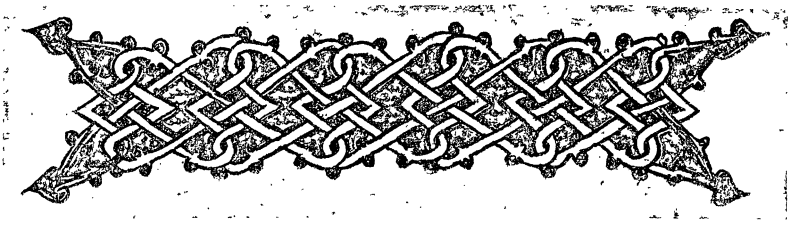


Рис. 10. Заставка изъ евангелія XV—XVI в. Библ. Кіев. дух. Акад.

составлялись по особымъ рецептамъ. Въ древне-русскихъ рукописяхъ нерѣдко можно встрѣчать записи — наставленія касательно правильнаго приготовленія „добрыхъ“ чернилъ. Вотъ для примѣра одна изъ подобныхъ записей подъ заглавіемъ: „составъ чернилъ, како составливати добрая чернила“ [71]). „Орѣшки чернильныя“, читаемъ здѣсь, „на четыре части разбитыя, въ ренскомъ (винѣ?) на солнцѣ, или въ теплѣ, мочити требѣ есть седмицу. Посемъ тую водку изъ скляницы желтую процедя сквозь платенце и орѣшки выжавъ, во иную скляницу положити и купаросомъ черпящымъ, въ муку́ разтертымъ, запустити и по часту ложкою помѣшивати, въ теплѣ же нѣколико стояти днiй, и тако будутъ добрая чернила.

А въ тотъ составъ надобно орѣшковъ, какъ много прилучится; ренскаго, чтобы въ немъ орѣшки потонули. Купаросу прежде по малу присыпати, дондеже мѣра возметъ. А имѣй отвѣдывати перомъ на бумазѣ, и егда счерпѣютъ, тогда приложи мѣрку камѣди раздробленой, ради утвержденія, и потомъ пиши потребное“ [72]).

Заглавія книгъ и отдѣльныхъ статей, начальныя буквы, а также различныя приписки, поправки и замѣтки въ древнихъ русскихъ книгахъ писались обыкновенно киноварью (отъ греч. слова: κινναβάρι). Подъ именемъ этой послѣдней извѣстна особая краска ярко-краснаго цвѣта. Первоначально киноварь привозилась къ намъ изъ Греціи, или изъ Западной Европы. Позже у насъ въ Россіи сами научились приготовлять киноварь, которая однакоже, по достоинству своему, значительно уступала заграничной [73]).

Гораздо рѣже въ древне-русскихъ рукописяхъ употреблялось для заглавій и начальныхъ буквъ письмо золотомъ. Уже извѣстныя намъ замѣчательныя древне-русскія рукописи, какъ-то: Остромирово евангеліе, Святославовъ Изборникъ 1073 года, Мстиславово евангеліе начала XII в. имѣютъ подобное золотое письмо въ заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ; въ Святославовомъ Изборникѣ даже вся первая страница текста написана золотомъ [74]).

Гораздо чаще золото употреблялось въ заставкахъ и миніатюрахъ, которыми украшались древне-русскія книги. Особенно замѣ-

[71]) Запись находится на внутренней сторонѣ переплетной обертки рукописи синод. библіотеки XVII в. (4—о № 877) и сдѣлана почеркомъ того же вѣка.

[72]) См. Русскій Архивъ. 1863 г. (изд. 2-е) стр. 91—92.

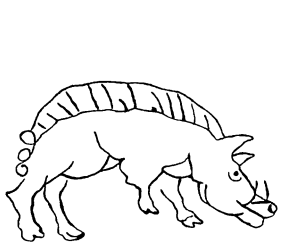
[73]) Въ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII в.в. встрѣчаются спеціальные рецепты для приготовленія киновари, въ составъ которой, какъ видно, входила ртуть. См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. Изд. 2-е.С.П.Б. 1908 г. стр. 44.

[74]) Въ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII в.в. можно читать совѣты, какъ приготовлять золото для письма и какъ употреблять его. Обыкновенно для того, чтобы золотое письмо имѣло болѣе яркій цвѣтъ, сначала писали киноварью, а потомъ уже покрывали ее золотомъ См. тамъ же, стр. 45.

чательна въ этомъ отношеніи рукопись Остромирова евангелія [75]).

Миніатюры этого евангелія, по словамъ спеціалиста, изучавшаго ихъ, „принадлежатъ одному художнику, и именно живописцу, и изготовлены для этой рукописи, а не взяты изъ какой-либо другой, напримѣръ, греческой, изъ такихъ миніатюръ Остромирова евангелія.

Письмо золотомъ употреблялось у насъ и въ болѣе позднее время. Это письмо (разумѣется, для заглавій, начальныхъ буквъ, заставокъ и миніатюръ) мы встрѣчаемъ даже и въ нашихъ западно-русскихъ рукописяхъ



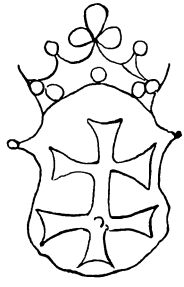


Рис. 31. Филиграни въ четвероевангеліи XVI в. (Библ. Кіев. Дух. Акад.).

и приставлены на свои мѣста для вящшаго изукрашенія этого манускрипта, что вообще часто встрѣчается въ рукописяхъ... Глядя на эти миніатюры, можно принять ихъ съ перваго взгляда за эмали: очертанія фигуръ сдѣланы какъ будто изъ золотыхъ пластинокъ и промежуточныя пространства между ними наполнены соотвѣтственно каждому изображаемому предмету краскою... Древнѣйшій памятникъ русской живописи есть въ то же время лучшій и древнѣйшій образецъ миніатюрной живописи въ нашемъ отечествѣ“ [76]).

На рисункѣ № 24 можно видѣть фотографически сдѣланное воспроизведеніе одной

XV˙ XVII в.в., вообще неотличающихся особеннымъ богатствомъ орнаментовъ.

На рисункахъ №№ 32 и 33 представлены снимки съ миніатюръ, находящихся въ четвероевангеліи XV˙ –XVI в.в. Оно принадлежитъ церковно-археологическому музею при Кіевской духовной Академіи (№ 296) и писано на бумагѣ [77]) полууставомъ, въ листъ, на

[75]) См. Остромирово евангеліе, 1056—57 года, хранящееся въ Императорской Публичной библіотекѣ напечатанное (при посредствѣ фото-литографіи) иждивеніемъ С.-Петербургскаго купца Ильи Савинкова. Спб. 1883 г.

[76]) См. у К. К. Герца. Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею наукъ. Вып. 6. Спб. 1900 г. стр. 174., 177.

[77]) Фабричное клеймо (см. рис. № 21, гдѣ ошибочно это евангеліе названо принадлежащимъ библ. Кіев.-Златоверх. Мих. мон.) на однихъ листахъ: кругъ съ діаметромъ, изъ центра котораго подъ прямымъ угломъ поднимается вверхъ довольно длинная линія, перечеркнутая немного ниже средины чертою накрестъ и вверху двумя чертами наискось, на подобіе звѣзды. Ср. у Н. П. Лихачева, Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ ч. II стр. 232 ср. ч. III таб. CCCCXLII № 3395; на другихъ листахъ той же рукописи встрѣчается иной водяной знакъ въ видѣ тіары, надъ которой возвышается дуга, увѣнчивающаяся прямою линіей съ звѣздою наверху. Ср. у Н. П. Лихачева. Древн. филиграни табл. 95 (см. № 645) и таб. 96 (№ 651).

342 л.л. Въ рукописи находится семь заставокъ три большихъ и четыре маленькихъ. Заставки писаны очень искусно разноцвѣтными красками (темносиней, зеленой, желтой и темнокрасной) и золотомъ.

Особенно интересны заставки, находящіяся предъ текстомъ евангелій Луки и Іоанна.

Въ этой же рукописи и многія заглавія писаны золотомъ [78]).

Въ рѣдкихъ случаяхъ древне-русскими книгописцами употреблялась для письма довольно простая желтоватая краска, очевидно, замѣнявшая собою киноварь.

Другія краски, напр., синяя, зеленая и т. п., постоянно встрѣчающіяся въ орнаментахъ древне-русскихъ рукописей, совершенно, повидимому, не употреблялись нашими книгописцами собственно для письма.

Въ качествѣ орудій для рисованія заставокъ и миніатюръ, украшающихъ наши древне-русскія книги, употреблялись особаго рода кисточки и карандаши [79]).

Письмо серебромъ, довольно распространенное въ древней Греціи, нашими русскими книгописцами, повидимому, совсѣмъ не употреблялось.

Письмо нашихъ западно-русскихъ книгописцевъ отличалось особенною простотою сравнительно, напр., съ сѣверно-русскими (московскими). Для образца на рисункахъ №№ 25, 26, 27, 29 и 30 мы приводимъ снимки листовъ и заставокъ изъ рукописныхъ евангелій, находящихся въ Кіевскомъ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ и въ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи, равно какъ и изъ рукописнаго патерика, хранящагося въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры.

Рис. 26 представляетъ снимокъ съ 220-го листа михайловскаго евангелія тетра XV в. биб. № 1637). Оно писано на бумагѣ въ 4^0, на 266 л.л., полууставомъ [80]). Въ рукописи десять заставокъ, сдѣланныхъ киноварью, изъ нихъ пять большихъ и пять меньшихъ [81]).

На рис. 27 фотографически снятъ л. 112 Новаго Завѣта, въ переводѣ на южно-русскій языкъ, сдѣланномъ въ 1581 г. Валентиномъ Некгалевскимъ, изъ Хорошова. Рукопись на 261 л.л. in folio, писана характернымъ [82]) курсивнымъ почеркомъ XVI в. и хранится въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 1356).

На рис. №№ 29 и 30 сняты двѣ заставки, сдѣланныя красками, изъ рукописнаго четверо-евангелія XVI в. Оно писано крупнымъ полууставомъ на 282 л. л. in folio и принадлежитъ теперь Кіевской духовной Академіи (Библ. зн. Муз. № 54). Въ рукописи находятся семь заставокъ: четыре большихъ и три малыхъ [83]).

Наконецъ, на рис. № 25 представляется снимокъ листа 4-го изъ рукописнаго печерскаго патерика XVI в. Онъ писанъ уставомъ

---

[78]) См. у Г. Крыжановскаго рукописныя евангелія Кіевскихъ книго-хранилищъ. К. 1889 г. стр. 156—157.

[79]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. Изд. 2-е. Спб. 1908 г. Стр. 44—45.

[80]) Филигрань на бумагѣ=вепрь съ поднятою шерстью на спинѣ. Ср. у Н. П. Лихачева. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ ч. II стр. 111 ср. ч. III таб. CCCLX №№ 1754 и 1755. ср. таб. CDXXXIV №№ 3294 и 3295.

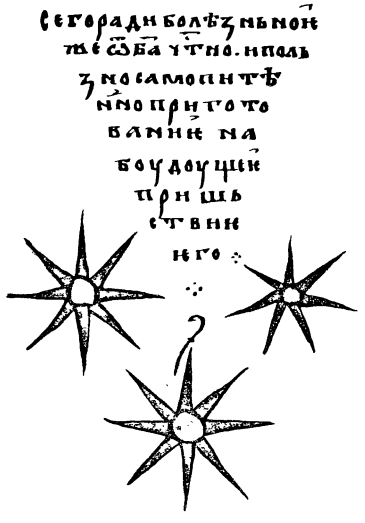
[81]) См. у Г. Крыжановскаго. Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. К. 1889 г. стр. 208—216.

[82]) См. о немъ у Н. П. Петрова. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ. Вып. II. К. 1896 г. стр. 135.—Листъ рукописи имѣетъ на себѣ два водяныхъ знака: 1) кругъ, обвитый сверху цвѣтами и внутри имѣющій какія-то орудія, на крестъ сложенныя и 2) большой многогранникъ, имѣющій внизу и наверху перевязи.

[83]) См. о немъ у Г. Крыжановскаго. Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. К. 1889 г. стр. 216—225.—Филиграни на листахъ: 1) вепрь съ поднятою шерстью на спинѣ и 2) большой шестиконечный крестъ на щитѣ съ короною вверху (см. рис. 31).

въ 1553–1554 г.г. на 215 лл. in folio и хранится въ библіотекѣ Кіево-Печерск. лавры. Начальныя буквы и заглавія отдѣловъ и др. мѣста книги писаны киноварью. На лл. 1 и 4 находятся небольшія заставки, сдѣланныя красками и золотомъ [81]).

Рис. 28. Конецъ листа въ Апостолѣ XIV в. писанномъ на пергаментѣ. (Библіот. Кіевск. дух. Акад.).



VIII.

Писатели книгъ въ древней Руси.

Книги начали писаться у насъ на Руси очень рано. Понятное дѣло, что самыми первыми книгописцами на Руси могли быть только иностранцы. Русскіе писатели книгъ могли появиться у насъ не сразу. Писателями славянскихъ богослужебныхъ и, вообще, религіозныхъ книгъ въ древней Руси были, по всей вѣроятности, лица южно-славянскаго происхожденія. Они сами являлись къ намъ, или же вызывались нашими первыми христіанскими князьями, между прочимъ, и для книгописанія.

Необходимо думать, что когда нашъ лѣтописецъ пишетъ о Ярославѣ Мудромъ, что онъ „собра писцы многы, и прѣкладаше отъ Грѣкъ на Словенъской языкъ и писмя, и списаша многы книги, и сниська, ими же поучаются вѣрнии людье“ [85]), то въ числѣ писцовъ, собранныхъ Ярославомъ, онъ разумѣетъ именно славянскихъ выходцевъ. Эти послѣдніе могли быть учителями и нашихъ русскихъ грамотныхъ людей въ дѣлѣ книгописанія

Русскіе книгописцы появляются у насъ очень рано. Такъ, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ книгописаніе мы видимъ уже при устроителѣ его препод. Ѳеодосіи. Въ житіи его разсказывается, что самъ преп. Ѳеодосій прялъ волну въ то время, какъ ученикъ его, инокъ Иларіонъ, весьма искусный писецъ, писалъ книги, а сподвижникъ его, преп. Никонъ изъ волны приготовлялъ нитки и переплеталъ написанныя Иларіономъ книги. Можно думать, что преп. Ѳеодосій, бывшій учительнымъ игуменомъ, привлекалъ способныхъ монаховъ къ писанію книгъ, и книгописаніе въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ при немъ было очень развито и хорошо поставлено [86]).

---

[84]) См. о немъ у Н. П. Петрова. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. II. К. 1896 г. стр. 123—124.—Листы рукописи имѣютъ водяной знакъ: вепрь съ поднятою шерстью на спинѣ, двумя клыками и закрученнымъ хвостомъ.

[85]) См. Лѣтопись по Ипатскому списку. СПБ. 1871 г., стр. 106; ср. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. СПБ. 1872 г., стр. 148.

[86]) См. у Яковлева. Житіе преп. Ѳеодосія. Памятники русской литературы XII и XIII в.в. СПб. 1872 г., стр. XXXII ср. XXIX.

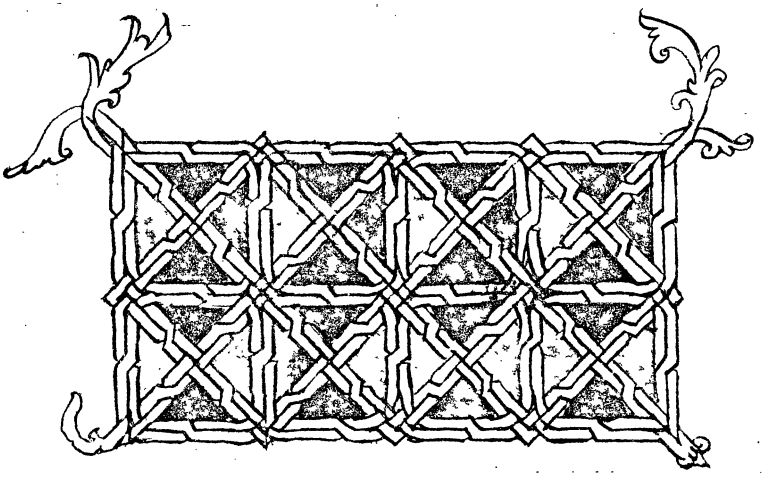


Рис. 36. Заставка изъ рукописнаго четвероевангелія Кіево-Десятинной церкви XV—XVI в

По примѣру Кіево-Печерскаго монастыря, бывшаго образцомъ для всѣхъ другихъ русскихъ монастырей, наши древнія монашескія обители дѣлаются пріютами и школами книгописанія. Въ житіи, напр., Авраамія Смоленскаго (начала XIII в.)[87] читается, что онъ „въ святыхъ богодухновенныхъ книгъ житіа ихъ (святыхъ) и словеса приходя и унимая, почиташе день и нощь. Таже и вся отъ всѣхъ избирая и списая ово своею рукою, ово многыми писци“[88])... Благодаря такой любви древне-русскихъ монаховъ къ книгописанію, на которое они смотрѣли, какъ на подвигъ, въ нашихъ древне-русскихъ обителяхъ собирались иногда цѣлыя библіотеки. Такъ, увѣщанія преп. Ѳеодосія своимъ монахамъ быть бодрыми „на преданья отечьская и почитанья книжная“ даютъ основаніе историкамъ утверждать, что въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ уже при преп. Ѳеодосіи могла быть библіотека, изъ которой монахи могли брать книги для „почитанія“[89]).

Преданія старины свято сохранялись и въ позднѣйшихъ нашихъ монастыряхъ, иноки которыхъ любили заниматься писаніемъ книгъ.

Такъ, жизнеописатель св. Стефана Пермскаго (XIV в.) говоритъ, что послѣдній „святыя книги писаше хитрѣ и гораздо и борзо“[90]). О современникѣ его преп. Сергіи (XIV в.) мы также знаемъ, что онъ и самъ писалъ книги, между прочимъ, на берестѣ, и съ особенною любовію относился къ монахамъ-книгописцамъ. „Бѣ Аѳанасій“, бывшій впослѣдствіи игуменомъ Высоцкаго серпуховскаго монастыря, говоритъ жизнеописатель преп. Сергія, „въ божественныхъ писаніяхъ зѣло разуменъ, и добропписаніа многа руки его и донынѣ свидѣтельствуютъ, и сего ради лю-

[87]) См. у архим. Сергія. Полный мѣсяцесловъ Востока. Т. II. М. 1876 г. стр. 219.

[88]) См. Правосл. Собесѣдн. 1862 г. ч. 1-я, стр. 151.

[89]) См. у Е. Голубинскаго. Исторія русской церкви. Т. I, вторая половина тома. М. 1881 г., стр 619—620.

[90]) См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія С.-Пб. 1908 г. стр. 27.

Рис. 39. Заставка изъ рукописнаго четвероевангелія XVIII в. (Библ. Кіев. д. Акад. Муз. В. 75).

бимъ бѣ зѣло старцу", т. е. преп. Сергію. Ученики и подражатели преп. Сергія, по примѣру этого послѣдняго, и сами занимались писаніемъ книгъ, и другихъ старались привлекать къ нему. О преп. Кириллѣ Бѣлоозерскомъ, напр., разсказывается въ его житіи, что онъ любилъ писать книги, причемъ сохранились и самыя книги, переписанныя его рукою [91]). Извѣстный подвижникъ Нилъ Сорскій самъ говоритъ о себѣ: „печаль пріемлетъ мя, аще не пишу". Въ XVI в. въ Волоколамскомъ монастырѣ жилъ старецъ Фотій, любившій заниматься писаніемъ книгъ. По разсказу его ученика, онъ написалъ евангеліе, „въ хлѣбнѣ ходя, сполна совсѣмъ въ 12 недѣль; таково бѣ тщаніе; а и въ иное время безъ службы пребысть и написа евангеліе въ 9 недѣль, такоже совсѣмъ сполна; прочихъ же книгъ: и евангеліевъ, и псалтырь, и четіихъ (т. е. книгъ для чтенія) много переписа" [92]).

Изъ сказаннаго съ несомнѣнностію слѣдуетъ, что писателями книгъ въ древней Руси были, прежде всего, монахи. Рѣже встрѣчаются свидѣтельства о томъ, что книгописаніемъ занимались лица бѣлаго духовенства. Вѣроятно, они и въ дѣйствительности меньше отдавались этому дѣлу, потому что не имѣли для того достаточно свободнаго времени.

Тѣмъ не менѣе у насъ имѣется нѣсколько характерныхъ свидѣтельствъ о томъ, что не только священники, но и діаконы и дьяки занимались книгописаніемъ. Такъ, паремейникъ 1271 г. былъ написанъ священникомъ и его сыномъ. Писателемъ Остромирова евангелія 1057 г. былъ діаконъ. Надъ Прологомъ 1262 г. работалъ пономарь [93]).

Кромѣ лицъ монашествующаго и бѣлаго духовенства, писателями книгъ въ древней Руси бывали и свѣтскія лица, между прочимъ, дѣти духовенства. Такъ, напр., Святославовъ Сборникъ 1073 г. былъ написанъ, по заказу великаго князя Святослава, дьякомъ, а Мстиславово евангеліе, по заказу великаго князя Мстислава, было приготовлено поповымъ сыномъ.

Съ теченіемъ времени, когда грамотность значительно распространилась на Руси и когда возросла потребность въ книгахъ какъ богослужебныхъ, такъ и „четіихъ", увеличилось у насъ и число книгописцевъ. На ряду съ монахами и духовными лицами, которые работали частію для собственныхъ нуждъ, частію же для другихъ, во имя подвига, мы видимъ теперь книгописцевъ-спеціалистовъ, книгописцевъ-ремесленниковъ, которые писали книги съ цѣлью заработка. Такіе книгописцы-ремесленники работали частію самостоятельно и въ одиночку, частію же они были собираемы особыми лицами, которыя нанимали ихъ для

[91]) См. Правосл. Собесѣдн. 1862 г. ч. 1-я стр. 152—153.

[92]) См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія. С.-Пб. 1908 г. стр. 27.

[93]) См. тамъ же стр. 28.

Рис. 38. Листъ четвероевангелія XVIII в.

(Библ. Кіевск. дух. Акад.).

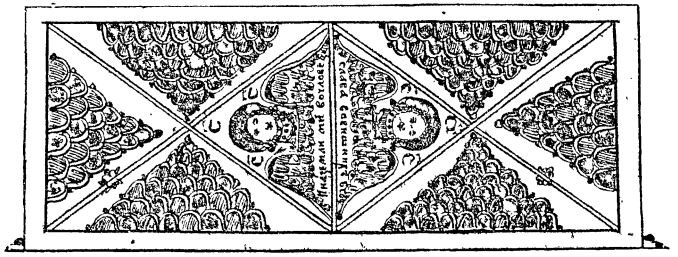


Рис 40 Заставка въ рукописномъ четвероевангеліи XVIII в. (Библ. Кіев. д. Акад Муз. В. 75).

писанія книгъ. Подобныя лица, занимавшіяся собираніемъ книгъ и даже цѣлыхъ библіотекъ, при помощи книгописцевъ-ремесленниковъ, появляются у насъ въ очень раннее время. Такими лицами были, прежде всего, наши князья. Намъ уже извѣстно лѣтописное свидѣтельство объ Ярославѣ Мудромъ, какъ собирателѣ книгъ. О Константинѣ Всеволодовичѣ мы также узнаемъ, что онъ „вельми печашеся о созданьи Божіихъ церквей и многы церкви созда по своей власти, въображая чюдными въображеніи святыхъ иконъ, исполняя книгами и всякими украшеніи“. О немъ, равно какъ и о Святославѣ Ярославичѣ извѣстно, что они имѣли библіотеки. Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ, по свидѣтельству лѣтописи, самъ переписывалъ, очевидно, при содѣйствіи и другихъ книгописцевъ, для мѣстныхъ церквей евангелія, апостольскія посланія, прологи на всѣ мѣсяцы и разныя богослужебныя книги. Изъ послѣсловія къ кормчей книгѣ, писанной въ 1286 г., видно, что при дворѣ этого-же князя жило много книгописцевъ на полномъ его иждивеніи.

По примѣру князей, и наши древне-русскіе архипастыри покровительствовали книгописанію, собирали у себя книжныя сокровища и содержали при своихъ домахъ книгописцевъ. Такъ, о ростовскомъ епископѣ Кириллѣ (XIII в.) мы знаемъ, что онъ былъ „богатъ и книгами“. О новгородскомъ архіепископѣ Моисеѣ (XIV в.), мы читаемъ въ лѣтописи, что онъ „добрѣ пасяше стадо свое, пожившъ въ цѣломудріи и многи писцы изыскавъ и книги многи исписавъ... и многы утвердивъ ученіемъ своимъ“. О новгородскомъ архіепископѣ Алексіи (того же XIV в.) извѣстно, что у него было нѣсколько „паробковъ“, которые, какъ кажется, занимались исключительно книгописаніемъ, причемъ писали старательно и красиво [94]). Новгородскій же архіепископъ Геннадій (XV XVI в. в.) держалъ при себѣ постоянныхъ писцовъ, которые имѣли особаго начальника. Впрочемъ, мы не знаемъ, чѣмъ, собственно, занимались эти писцы. Только общія свѣденія объ этомъ архипастырѣ, бывшемъ, между прочимъ, собирателемъ книгъ, необходимыхъ ему для борьбы съ жидовствующими, даютъ основаніе думать, что они занимались и книгописаніемъ. Митрополитъ московскій Макарій (XVI в.) въ предисловіи къ своимъ Великимъ Четіямъ-минеямъ говоритъ о себѣ: „написалъ я эти святыя книги въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, а писалъ и собиралъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя сребра и всякихъ почестей“ [95]).

Еще позже мы видимъ, что рукописныя книги у насъ стали требоваться въ такомъ

---

[94]) См. у И. И. Срезневскаго. Древнія русскія книги. СПБ. 1864 г., стр. 7.

[95]) См. подробности въ Православн. Собесѣдн. 1862 г. ч. I-я, стр. 161 и слѣд.

Рис. 32. Листъ четвероевангелія XV—XVI в.в.

(Библ. Кіев. дух. Акад.).

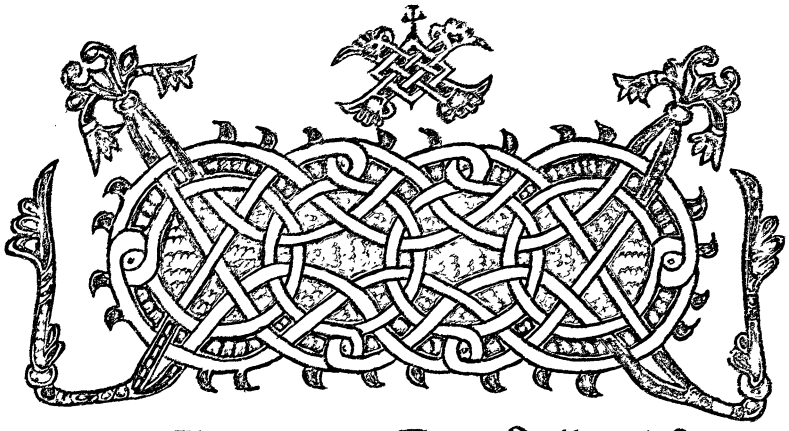


Рис. 33. Листъ четвероевангелія XV—XVI в.в.

(Библ. Кіев. дух. Акад.).

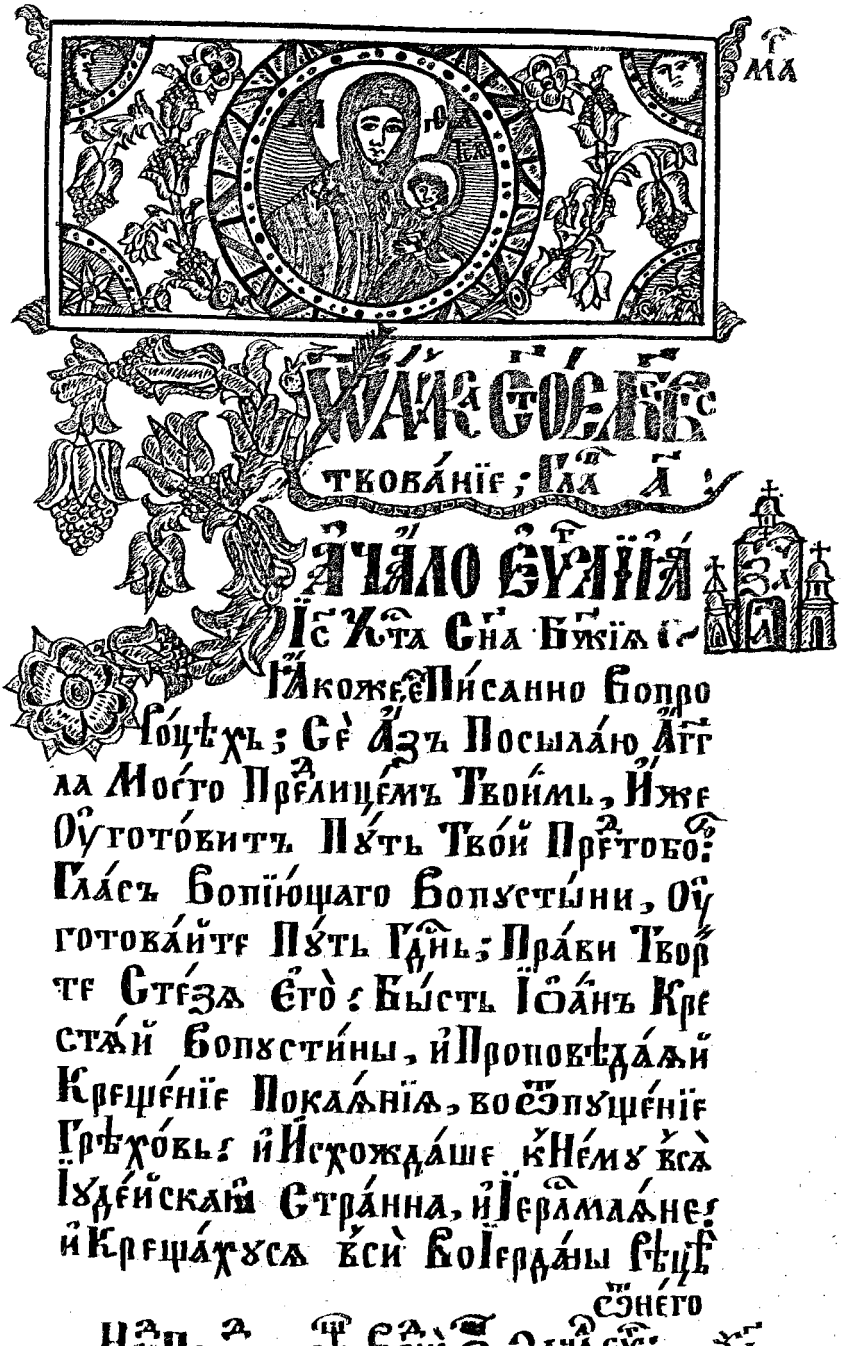


Рис. 34. Листъ четвероевангелія XVIII в.

(Библ. Кіев. дух. Акад.).

Рис. 35. Заглавный листъ четвероевангелія XVIII в.

(Библ. Кіев. дух. Акад.).

Рис. 37. Листъ четвероевангелія XVIII в.

(Библ. Кіев. дух. Акад.).

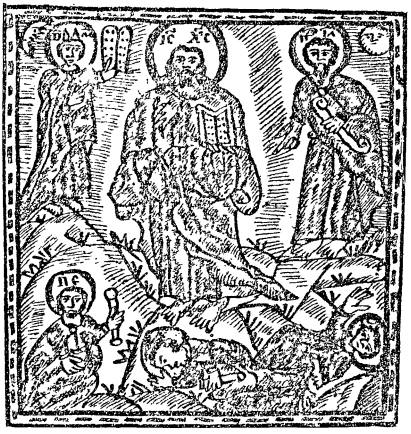


Рис. 41. Миніатюра въ текстѣ рукописнаго четвероевангелія XVIII в.

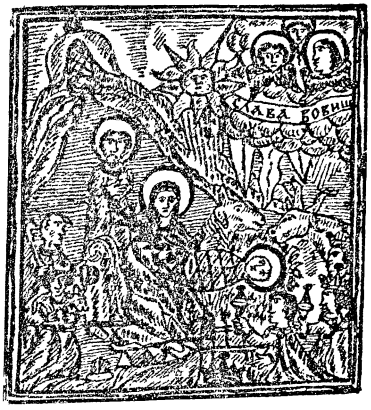


Рис. 42. Миніатюра въ текстѣ рукописнаго четвероевангелія XVIII в.

большомъ количествѣ, что переписку ихъ начали заниматься частныя лица, которыя, очевидно, писали книги съ исключительною цѣлью– продажи ихъ. Такимъ образомъ, книги сдѣлались у насъ не предметомъ благочестиваго употребленія, который стоилъ дорого и который могли пріобрѣтать и собирать у себя во множествѣ экземпляровъ только меценаты и любители, но именно предметомъ купли и продажи. Спросъ на книгу, разумѣется, вызвалъ и предложеніе. Стали появляться не только при монастыряхъ и при княжескихъ дворцахъ и архіерейскихъ домахъ, но и по городамъ книгописцы-ремесленники, которые занимались писаніемъ книгъ для продажи. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ стоглавый соборъ, въ одномъ изъ постановленій котораго читаемъ слѣдующее: „которые писцы по городамъ книги пишутъ, и вы бъ (поповскіе старосты, десятильники и протопопы) велѣли писати з добрыхъ переводовъ, да написавъ бы ихъ правили, потомъ же бы продавали“ [96]).

[96]) См. у м. Макарія. Исторія русской церкви. СПБ. 1877 г., т. VIII, стр. 81.

Приведенное сейчасъ свидѣтельство весьма характерное и о многомъ говоритъ. Очевидно, спросъ на книги, особенно богослужебныя, очень возросъ. Для удовлетворенія нужды явились вольные переписчики. Они писали книги и торговали ими. Вѣроятно предположеніе, что по городамъ, гдѣ работали подобные книгописцы, могли существовать даже спеціальныя лавки, въ которыхъ сосредоточивалась книжная торговля. Мы знаемъ, что такія лавки существовали и въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ, и на западѣ Европы въ XV—XVI в.в., равно какъ были онѣ и у насъ нѣсколько позже. Вольные переписчики, главные поставщики подобныхъ книжныхъ лавокъ, работали безконтрольно. Очевидно, работа ихъ, какъ книгописцевъ, отличалась серьезными недостатками, которые и заставили церковную власть обратить на нихъ вниманіе и подчинить ихъ хотя какому либо контролю.

Можно думать, что переписка книгъ для продажи, по заказу, сопровождалась, прежде всего, упадкомъ самаго искусства книгописанія. Прежніе книгописцы работали свободно;

Рис. 43. Миніатюра въ текстѣ рукописнаго четвероевангелія XVIII в.

Рис. 44. Миніатюра въ текстѣ рукописнаго четвероевангелія XVIII в.

они относились къ своему труду съ полнымъ благоговѣніемъ. Они работали неспѣшно, внимательно, осмотрительно и красиво. Они были незаинтересованы въ скорости работы и потому писали книги сравнительно медленно. Напр., Апостолъ 1220 г., имѣющій 240 лист., былъ написанъ въ 2 мѣсяца безъ нѣсколькихъ дней, т. е. книгописецъ писалъ по $4^1/_2$ листа въ день; Тактиконъ Никона Черногорца 1397 г. на 221 л. былъ переписанъ двумя книгописцами въ 24 дня, слѣдов., каждый переписывалъ $4^1/_2$ листа въ день; а лаврентіевская лѣтопись (около 180 л. л. in folio) была переписана монахомъ Лаврентіемъ въ 1377 г. въ теченіе 75 дней, такъ что на каждый день приходится ок. $2^1/_3$ л. Само собою разумѣется, что переписка такихъ книгъ, какъ евангелія, или такихъ, которыя приготовлялись по особому заказу, или съ нарочитою какою-либо цѣлію, совершалась еще медленнѣе. Такъ, Остромирово евангеліе 1056—1057 г.г. на 294 л.л. было написано въ теченіе 7 мѣсяцевъ, такъ что на каждый день приходится по $1^1/_2$ л., а Кормчая книга, извѣстная подъ именемъ Рязанской, на 407 л.л., была переписана пятью книгописцами въ 50 дней, т. е. каждый переписывалъ въ день по $1^2/_5$ л. [97]).

Позднѣйшіе же книгописцы исполняли свою работу скорѣе, но за то менѣе старательно, не вполнѣ тщательно и съ внѣшней стороны менѣе изящно. Вотъ почему среди позднѣйшихъ русскихъ книгъ мы все рѣже и рѣже встрѣчаемъ такія, которыя, по красотѣ и изяществу, могли бы сравниться съ древнѣйшими. Даже богато и роскошно отдѣланныя книги позднѣйшаго времени, писанныя по особому заказу и, вѣроятно, дорого оплачивавшіяся, имѣли у себя шрифтъ менѣе красивый и отдѣлку письма менѣе изящную и тщательную, чѣмъ было прежде.

Но печальнѣе всего было то, что измѣнившіяся къ XV—XVI в.в. условія русскаго книгописанія повлекли за собою упадокъ этого послѣдняго не съ одной только внѣшней стороны, но также и въ другихъ отношеніяхъ. Въ это время начинается порча книгъ въ видѣ неправильнаго начертанія буквъ, опи-

[97]) См. у Срезневскаго И. П. Древнія русскія книги. СПБ. 1864 г., стр. 7—8.

бокъ въ словахъ, пропусковъ и т. п. Несомнѣнно, что эта порча рукописныхъ книгъ XV—XVI в.в. была въ извѣстной степени послѣдствіемъ слабаго и даже жалкаго состоянія нашей русской образованности, на что жалуются, напр., архіепископъ новгородскій Геннадій, отцы стоглаваго собора, Максимъ Грекъ и др. Но необходимо также признать и то, что внутренняя порча нашихъ рукописныхъ книгъ была въ то же самое время и неизбѣжнымъ результатомъ недостаточно внимательнаго и несерьезнаго отношенія переписчиковъ къ своей работѣ. Книгописцы-ремесленники того времени заботились, главнымъ образомъ, о своихъ собственныхъ интересахъ.

Рис. 45. Миніатюра въ текстѣ рукописнаго четвероевангелія XVIII в.

Они желали какъ можно больше написать и побольше заработать. Неудивительно, если, при такомъ отношеніи къ своей работѣ, они и дѣлали пропуски, и неправильно писали слова, и вообще писали небрежно и некрасиво. Такая порча рукописныхъ нашихъ книгъ, бывшая слѣдствіемъ измѣнившихся условій русскаго книгописанія, была одною изъ важныхъ побудительныхъ причинъ къ заведенію у насъ въ Россіи книгопечатанія. Тотъ же митрополитъ московскій Макарій, который былъ такимъ любителемъ и покровителемъ книгописанія, считается однимъ изъ иниціаторовъ заведенія первой типографіи въ Москвѣ [98]).

Что касается нашего южно-русскаго книгописанія, то и здѣсь въ качествѣ книгописцевъ мы видимъ преимущественно лицъ изъ среды духовенства монашествующаго и бѣлаго. Среди первоначальниковъ Кіево-Печерскаго монастыря было немало писателей книгъ, напр., самъ преп. Ѳеодосій, преп. Несторъ Лѣтописецъ, Иларіонъ и др. Игуменъ Кіево-Выдубецкаго монастыря Сильвестръ пишетъ о себѣ въ приписке къ Повѣсти временныхъ лѣтъ: „написахъ книги си лѣтописець въ 6624 лѣто“ [99]).

Переводчикомъ знаменитаго Пересопницкаго евангелія (XVI в.) былъ „кроткій, смиренный и боголюбивый еромонахъ Григорій архимандритъ Пересопницкій“, а переписчикомъ его „многогрѣшный слуга або рабъ Божій Михаилъ Васильевичъ, сынъ протопопы зъ Санока“ [100]).

Четвероевангеліе, хранящееся въ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи, „списася многогрѣшнымъ іереомъ Михаиломъ Протескымъ, презвитеромъ Боднаровскимъ“ въ 1728—1730 г.г.[101]). Изъ послѣсловія къ рукописному Патерику печерскому 1554 г. мы узнаемъ, что Патерикъ былъ написанъ „рукою многогрѣшнаго и худшаго въ человѣцѣхъ дьяка Нестерца“ (дьячка Нестора Лукьянова, какъ сказано ниже) [102]).

И въ западной Россіи, какъ и въ московской, были меценаты и покровители книгописанія

---

[98]) См. у Е. Голубинскаго. Исторія русской церкви. Т. II, пол. 1-я. М. 1900 г., стр. 801—802.

[99]) См. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку (ПБ. 1872 г., стр. 274.

[100]) Евангеліе хранится нынѣ въ Полтавскомъ епархіальн. древлехранилищѣ. Интересные снимки шрифта и иллюстрацій см. ниже.

[101]) См. на рис. № 35.

[102]) Хранится въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры. Снимокъ съ него см. на рис. № 25.

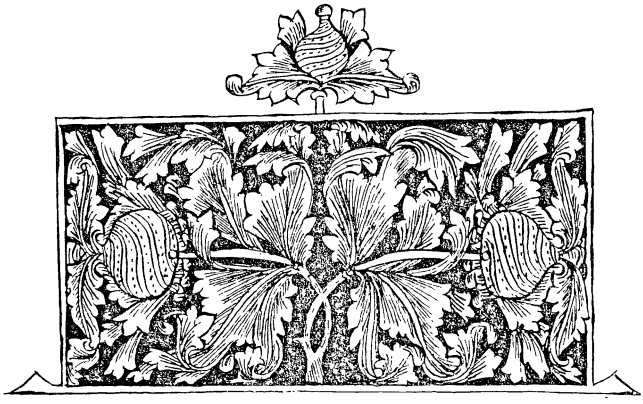


Рис. 46. Заставка изъ рукописнаго еванг. XVII в. (Полтавск. церк. древнехр.).

изъ среды духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Достаточно, напр., упомянуть имена кн. К. К. Острожскаго, епископа Гедеона Болабана, архимандрита Елисея Плетенецкаго, Захаріи Копыстенскаго и др. И здѣсь къ XV—XVI в.в. въ книгахъ появились ошибки, поставившія на очередь вопросъ о необходимости книгопечатанія.

IX.

Содержаніе и нѣкоторыя внутреннія особенности древне-русскихъ рукописныхъ книгъ.

Самыя древнія русскія писанныя книги были преимущественно церковно-богослужебнаго содержанія. Наравнѣ съ ними чаще другихъ писались книги Св. Писанія, особенно новозавѣтныя, а изъ ветхозавѣтныхъ псалтирь и нѣкоторыя другія. Довольно часто писались русскими книгописцами также творенія св. св. отцевъ и учителей церкви, особенно сочиненія Іоанна Зл., Ѳеодора Студита, Василія В. и др.

Нѣсколько позже стали писаться у насъ въ Россіи книги историческаго и нравственно-назидательнаго содержанія. Въ то же самое время составлялись и переписывались сборники разныхъ статей, преимущественно назидательнаго характера.

Такой характеръ содержанія древне-русскихъ писанныхъ книгъ обусловливался, съ одной стороны, запросами и настроеніемъ общества, а съ другой стороны, оригиналами, съ которыхъ переписывались и по которымъ составлялись наши древнія рукописныя книги. Въ самое первое время существованія христіанства на Руси, когда среди русскихъ людей было еще мало грамотныхъ и любившихъ чтеніе людей, у насъ требовались преимущественно, почти исключительно книги, которыя употреблялись при богослуженіи и безъ которыхъ никакъ нельзя было обойтись. Съ другой стороны, древне-русскіе грамотеи были преимущественно или монахи и, вообще, духовныя лица, или же исключительно набожные люди, которыхъ могли интересовать, разумѣется, только книги религіозно-нравственнаго содержанія. Наконецъ, въ то время книги въ Россіи почти исключительно переписывались съ южно-славянскихъ переводовъ, или же составлялись по греческимъ оригиналамъ; но тѣ и другія имѣли преимущественно религіозно-нравственный характеръ.

Такой особенный характеръ содержанія древне-русскихъ писанныхъ книгъ, въ свою очередь, оказывалъ вліяніе на отношеніе нашихъ книгописцевъ къ своему дѣлу. Эти

послѣдніе, имѣя постоянно дѣло съ книгами священными, церковно-богослужебными и вообще религіозно-нравственными, невольно проникались чувствомъ уваженія къ своему занятію и смотрѣли на него, какъ на высокій нравственный подвигъ. Такой свой взглядъ на книжное „почитаніе“ и писаніе древне-русскіе книгописцы нерѣдко высказываютъ въ своихъ замѣчаніяхъ, записяхъ и припискахъ, которыя составляютъ характерную особенность древне-русскихъ писанныхъ книгъ. Такъ, напр., нашъ первопачальный лѣтописецъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ слѣдующее: „велика бываетъ полза отъ ученія книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; суть бо рѣкы напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неизчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есми, а суть узда вздержанью... Аще бо попщеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши всякую ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды и евангельская ученья и апостолская, житья святыхъ отець, въспріемлеть душа велику ползу“ [103]).

Одинъ изъ древне-русскихъ книгописцевъ, съ своей стороны, говоритъ слѣдующее: „горе нишущимъ святыа божіа книгы, а страха божія и вѣры правы въ сердци Богу неимуще, таковыи осужень есть муцѣ вечнѣй и огню негасимому“ [104]).

Благоговѣйное отношеніе къ своему труду побуждало нашихъ книгописцевъ быть весьма внимательными къ своей работѣ, чтобы не допустить пропуска, или описки, или другой какой либо ошибки. Свою боязнь слѣлать что-либо подобное наши древніе книгописцы выражали въ своихъ записяхъ, которыми они обыкновенно заканчивали свой трудъ, причемъ они здѣсь всегда смиренно и даже униженно просили у читателей извиненія, прощенія и благословенія. Такъ, въ записи галицкаго евангелія, написаннаго ок. 1266 года, читаемъ: „исправлеваюче чьтѣте, не клыпуче, но помилуюче, ацѣзда буду кде описаться худымъ умомъ грѣшнымъ; простѣте, благословѣте“. Въ евангеліи 1355 года читается такая запись: „аще будемъ грубо написали, или кде переступилѣ, или въ глаголаніи съ другомъ, или въ дрѣмаши, а вы, преподобніи отци игумены и попове, собою исправяче чтите, а насъ, грѣшныхъ, не поклепѣте Бога дѣля, занеже есть зла священническая клятва, а добро есть благословеніе“ [105]).

Въ виду сейчасъ указаннаго отношенія древне-русскихъ книгописцевъ къ своему дѣлу, книгописаніе, и само по себѣ трудное, доставалось нашимъ грамотеямъ съ большими усиліями. Окончаніе труда вызывало въ нихъ искреннее и живое чувство радости и удовольствія, что они и выражали обыкновенно въ своихъ записяхъ, о которыхъ идетъ у насъ сейчасъ рѣчь. Такъ, напр., въ Добриловомъ евангеліи 1164 года читаемъ: „якоже радуеться женихъ о невѣстѣ, тако радуеться писець, видя послѣдьний листъ“. Лаврентьевскій списокъ нашей лѣтописи 1377 г. имѣетъ такую запись: „радуется купець прикуп створивъ и кормьчии въ отишье приставъ и странникъ въ отечьство свое приидеть; тако же радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ; тако же и азъ, худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ“.

[103]) См. П. С. Р. Л. т. 1, стр. 65—66.

[104]) См. Описаніе слав. рукоп. Моск. син. библ. стр. 184.

[105]) См. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія. Изд. 2, Спб. 1908 г., стр. 35.

Въ Тріоди 1466 года читается слѣдующая запись: „строцѣ послѣдней конець, а уму нѣсть конца. Якоже радъ заяць сѣти избѣгъ, тако радъ писець послѣднюю строку дописавъ“ [106]).

Въ другихъ записяхъ древне-русскіе книгописцы сообщаютъ свѣдѣнія о себѣ, о времени и мѣстѣ написанія книги, о заказчикахъ, для которыхъ и на средства которыхъ писалась книга, о событіяхъ, которыя имѣли мѣсто во время написанія книги, и т. п.

Позднѣйшіе книгописцы, работавшіе ради денегъ и неиспытывавшіе уже того благоговѣйнаго уваженія къ своему занятію, какое одушевляло ихъ предшественниковъ, позволяли себѣ въ припискахъ многословіе и напыщенное краснорѣчіе. Напр., въ Прологѣ 1550 г. мы встрѣчаемъ такую запись: „О владыко Господи Іс. Христе, сынъ Божій! о всесвятая владычица приснодѣвыя Маріа, мати Христа Бога нашего! О святителю Христовъ Николае, скоры помощникъ, теплы заступникъ! и святыи безмездници Христови чюдотворци Козма и Дамьянъ, скорые пособники и поспѣшники, и всѣ святые угодники Христовы: яко сподобили есте написати сію книгу, глаголемую прологъ, мною грѣшною рукою малоумнаго, нечистаго, безумнаго, неразумнаго, неистоваго (затѣмъ слѣдуютъ еще 42 подобныхъ эпитета) раба Божія Парфенія Маркова сына Злобина, а сотвореніемъ и благословеніемъ священнаго ерѣя Марка, Павлова сына, Спасьского манастыря, у Головщиныхъ, въ Логиновѣ стану, на Покшѣ, на рѣкѣ. А скончана бысть сія книга въ лѣто 7058, мѣс. маія въ 24 день, на память преподобнаго отца нашего Суміона Столпника, иже на дивнѣ горѣ чюдотворца, при царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси и при господинѣ отцѣ митрополитѣ Московьстѣмъ Макаріи всея Руси; а писана тому, кому дастъ Богъ. А какъ радъ заецъ изъ тенетъ избѣгши, а птиця изъ кляпци излетевъ, тако радъ писець, списавъ сію книгу. А гдѣ буду, господине, предъ Богомъ согрѣшилъ, а въ сей книгѣ гдѣ описался, вражьимъ навоженіемъ въ помыслѣ, Бога дѣля не поклепите, да собою направляйте; а будетъ согрѣшена здѣсе и утасна, и будетъ предъ Богомъ не утасна. Слава совершителю Іс. Христу, аминъ“ [107]).

Тѣ же позднѣйшіе книгописцы допускали въ своихъ запискахъ разнаго рода вопросы и загадки, рѣшеніе которыхъ предоставлялось читателямъ. Подобныя загадки касались преимущественно имени самаго писца, или владѣльца книги. Напр., переводчикъ церковныхъ лѣтописей Баронія (1678 г.) такъ обозначилъ свое имя: „переводившаго сію книгу имя его седмеролитерно, троесложено, въ немъ же убо четыре гласныхъ и три согласныхъ, начало пріемлетъ отъ перваго гласнаго, число же его суть 8“ [108]).

Подобныя вышеприведенной шарады составляютъ одинъ изъ видовъ т. н. криптографіи, или тайнописи, которая нерѣдко употреблялась нашими книгописцами. Тайнопись, составляющая одну изъ особенностей нашихъ рукописныхъ книгъ, употреблялась въ видѣ акростиха (начальныя буквы стихотворенія обозначали имя писца), полусловицы (писанія буквъ въ сокращенномъ видѣ, напр., съ одною чертою вмѣсто двухъ и т. п.), пользованія буквами въ измѣненномъ видѣ, вязи (съ вынесеніемъ гласныхъ буквъ

[106]) См. тамъ же, стр. 34.

[107]) См. Православн. Собесѣдн. 1862 г., ч. 1-я, стр. 350—352.

[108]) Соболевскій А. И. читаетъ имя переводчика: Игнатій (см. его Славяно-русская палеографія изд. 2, Спб. 1908 г., стр. 113), а Кирпичниковъ А. И.—Іоасафъ (см. его Очеркъ исторіи книги. Спб. 1889 г. стр. 35, прим. 3).

за строку), глаголицы, о которой у насъ выше была нарочитая рѣчь, пермской азбуки, изобрѣтеніе которой приписывается св. Стефану Пермскому, греческой и латинской азбуки, какъ малодоступной простымъ русскимъ грамотеямъ, и, наконецъ, собственно тайнописнаго письма.

Собственная тайнопись называлась у насъ риторскимъ, или риторійскимъ письмомъ, сокращенно риторіею, или литореею. Литорея употреблялась русскими книгописцами въ простомъ и сложномъ видѣ.

Простая литорея наиболѣе была распространена и состояла въ томъ, что буквы, писанныя рядомъ, принимались за цифры, причемъ двѣ или три буквы, что зависѣло отъ усмотрѣнія писца, должны были складываться и соотвѣтствующая суммѣ ихъ буква принималась въ своемъ алфавитномъ значеніи; буквы же, которыя не употребляются въ качествѣ числешыхъ знаковъ, имѣли самостоятельное значеніе. Вотъ примѣръ подобной записи, сдѣланной простою литореею: „ммнгвмммлввмлблкмлккс оуоу сроу. лкчсрмллкддю вѣчная память преподобному отцу. нѣтонію вѣчная память“ [109]).

Сложная, или „мудрая литорея“ употреблялась нашими книгописцами въ видѣ нѣсколькихъ системъ, извѣстныхъ подъ именами спиадской, азадской, меводской и метофрястской. Сущность „мудрой литореи“ заключалась въ томъ, что согласныя буквы писались въ два ряда, причемъ буквы перваго ряда употреблялись вмѣсто соотвѣтствующихъ буквъ второго ряда и наоборотъ, а гласныя буквы сохраняли свое значеніе. Кромѣ того, въ мудрой литореѣ употреблялись условные знаки, особенно: о, п. Встрѣчаются еще совершенно оригинальныя формы „литореи мудрой“, напр., извѣстное „лаодикійское посланіе“ дьяка Ѳеодора Курицына написано такою именно „литореею“...

Употреблялась еще древне-русскими книгописцами цифровая тайнопись, основанная на томъ, что многія буквы имѣютъ цифровое значеніе, причемъ нѣкоторые образцы этой тайнописи представляютъ собою нѣчто въ родѣ загадки, или шарады.

Необходимо при этомъ замѣтить, что тайнопись употреблялась преимущественно нашими сѣверо-восточными русскими книгописцами. Записи нашихъ южно-русскихъ рукописей имѣютъ бо́льшею частію историческій характеръ, причемъ въ нихъ сообщаются свѣдѣнія о времени написанія книги, переписчикѣ ея, обстоятельствахъ написанія и т. п. Образцомъ подобныхъ записей могутъ служить записи, находящіяся въ т. н. Пересопницкомъ евангеліи. Въ немъ имѣются шесть записей, причемъ въ первыхъ пяти говорится о времени написанія отдѣльныхъ частей рукописи, а въ послѣдней подробно разказывается исторія происхожденія ея [110]).

Кромѣ записей, въ древнихъ нашихъ рукописяхъ встрѣчаются еще т. н. приписки. Содержаніе ихъ различное. Позднѣйшія приписки были, повидимому, плодомъ веселаго настроенія книгописцевъ.

Въ нашихъ южно-русскихъ рукописяхъ нерѣдко встрѣчаются приписки вкладныя, говорящія о пожертвованіи рукописи въ монастырь или церковь. Въ другихъ припискахъ содержатся свѣденія о принадлежности книги, о продажѣ или покупкѣ ея (съ обозначеніемъ цѣны), иногда даже дарственныя грамоты и т. п. документы.

[109]) См. Прав. Собес. 1862 г. ч. 1-я, стр. 352—353. Нѣсколько иное объясненіе простой литореи см. у Соболевскаго А. И. Славяно-русская палеографія, изд. 2-е. Спб. 1908 г., стр. 110.

[110]) См. брошюру прот. Н. Думитрашко. Замѣчательная рукопись полтавской семинаріи. Пересопницкое евангеліе. П. 1874 г.

X.

Переплетъ и нѣкоторыя внѣшнія особенности древнихъ рукописныхъ книгъ.

Приготовленіе рукописныхъ книгъ въ древней Руси стоило большихъ денегъ. Дорогъ былъ матеріалъ, на которомъ писались, дорого оплачивалась и работа по написанію книги. Само собою разумѣется, что книги съ украшеніями (миніатюрами, виньетками, заставками и т. п.) обходились особенно дорого. Неудивительно, поэтому, если древніе русскіе книголюбцы такъ дорожили книгою и съ такою старательностью желали сохранять её отъ гибели и отъ порчи. Такія заботы ихъ выражались, между прочимъ, въ тѣхъ заклятіяхъ, какими владѣльцы книгъ ограждали ихъ отъ возможнаго воровства и др. способовъ присвоенія ихъ.

Когда книга приготовлялась, т. е. оканчивалась перепискою, то, прежде всего, необходимо было позаботиться о томъ, чтобы отдѣльныя части ея не могли утрачиваться и внутренность ея не портилась. Для этого переписанную книгу обдѣлывали въ особыя обложки, или — проще говоря — переплетали.

Переплетное искусство, безъ сомнѣнія, явилось у насъ одновременно съ началомъ книгописанія. Рукописныя книги, особенно большія, каковыми были въ большинствѣ случаевъ первоначальныя русскія книги (напр., богослужебныя), рѣшительно не могли долго быть въ употребленіи безъ того, чтобы листы ихъ такъ или иначе были скрѣплены между собою, а письмо ихъ было предохранено отъ загрязненія и порчи. А для этого и долженъ былъ служить переплетъ книгъ.

Мы имѣемъ и прямыя историческія свидѣтельства о томъ, что переплетное мастерство было извѣстно у насъ въ самой глубокой древности. Житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго, между прочимъ, рисуетъ намъ трогательную картину того, какъ онъ вмѣстѣ со своими сотрудниками работалъ надъ переплетами книгъ [111]).

Переплетное искусство очень просто. Русскіе книгописцы и книголюбцы могли и сами найти способъ для связыванія и скрѣпленія листовъ книги, или же во всякомъ случаѣ скоро и легко могли научиться техникѣ переплетнаго искусства отъ греческихъ и южнославянскихъ мастеровъ. Намъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, одинъ примѣръ изготовленія переплета русской книги за границей — въ Константинополѣ. Въ одной изъ позднѣйшихъ приписокъ извѣстнаго Мстиславова новгородскаго евангелія (1117 — 1125 г.) говорится, что тіунъ Наславъ, по приказанію своего князя, нарочито ѣздилъ съ евангеліемъ въ Константинополь и тамъ „исправилъ все злато и сребро и драгый камень“, т. е. оправилъ книгу въ драгоцѣнный переплетъ. При этомъ княжій тіунъ замѣчаетъ: „много труда подъяхъ и печали... цѣну же евангелія сего одинъ Богъ вѣдаетъ“ [112]).

Но обыкновенныя книги, безъ сомнѣнія, переплетались у насъ дома, въ Россіи. Изъ свидѣтельства о преп. Ѳеодосіи мы можемъ заключать, что переплетное мастерство сосредоточивалось преимущественно въ монастыряхъ древней Руси, гдѣ обыкновенно книги и переписывались и гдѣ существовали болѣе или менѣе значительныя книжныя собранія. Сначала пріемы переплетнаго искусства хранились въ преданіи мастеровъ и преемственно передавались отъ учителя къ ученикамъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ „подлинниковъ“ о книжномъ переплетѣ читаются, между прочимъ, такія слова: „Всякое художество отъ

[111]) См. выше стр. 28.

[112]) См. у И. И. Срезневскаго. Славяно-русская палеографія XI—XIV в.в. СПБ. 1885 г. стр. 144—145; ср. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. СПБ. 1908 г. стр. 21.

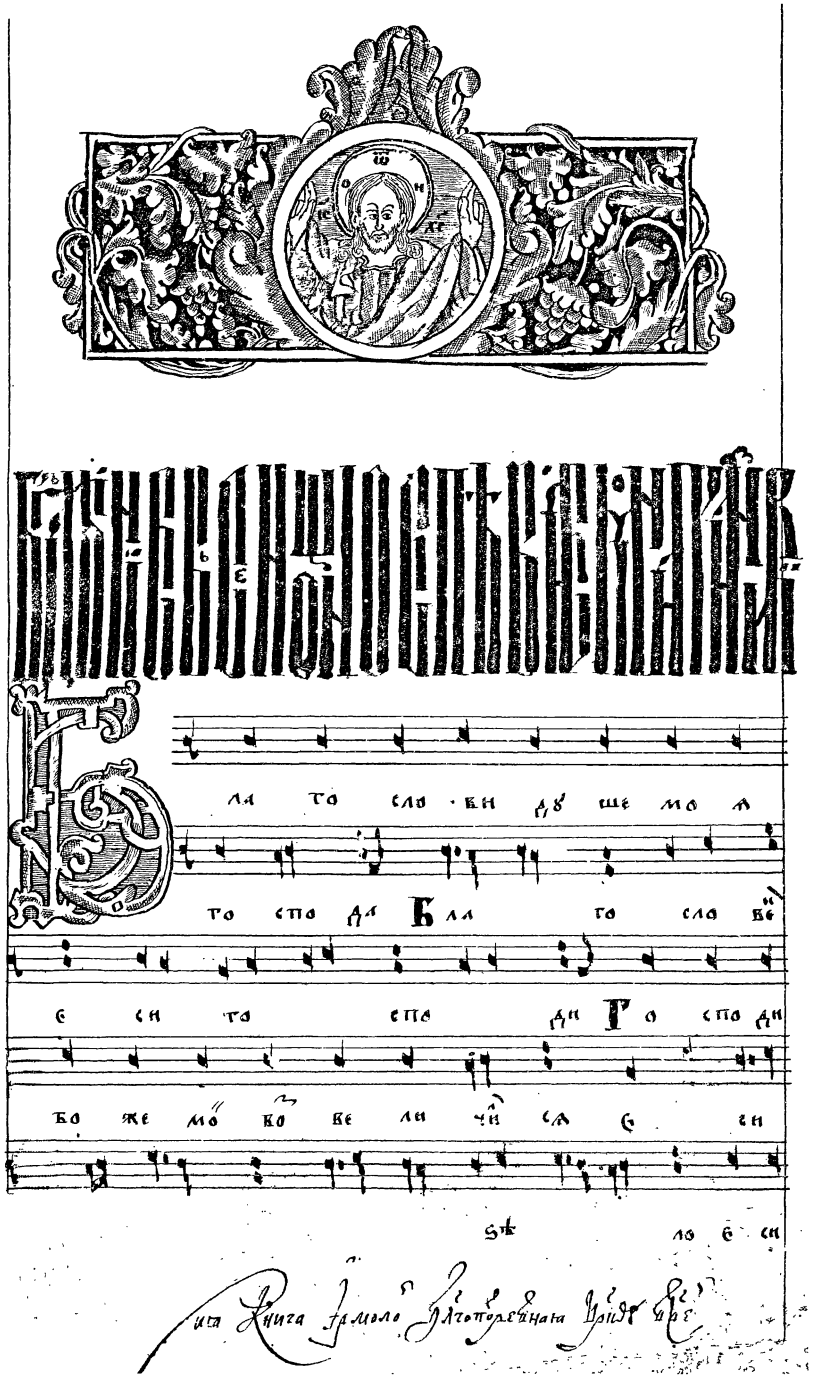
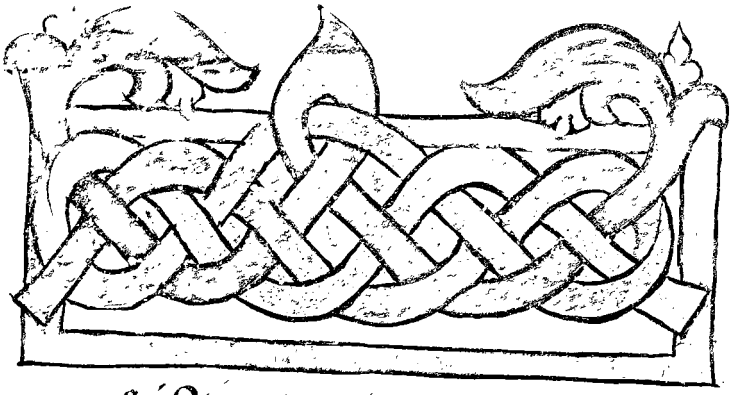


Рис. 47. Листъ изъ рукописнаго нотнаго гермологіона XVIII в.
(Полтавск. церковн. древнехранилище).



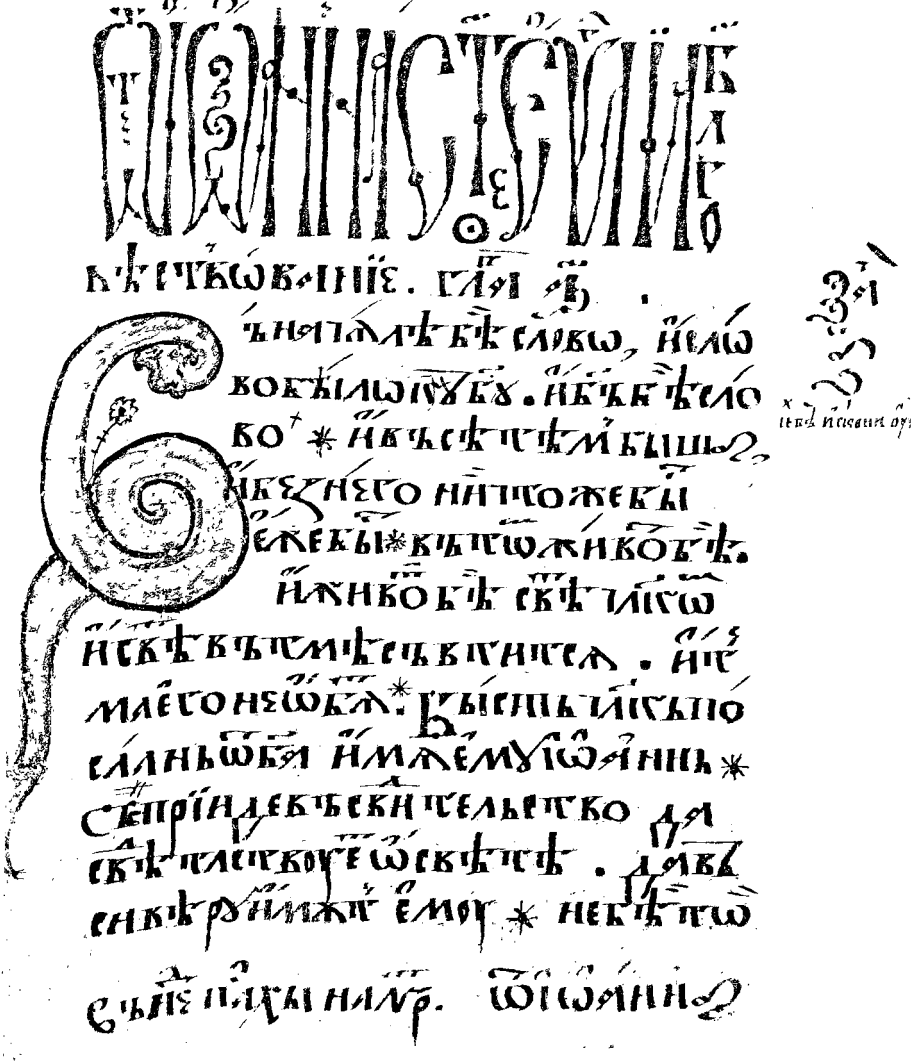


Рис. 50. Листъ рукописнаго евангелія XVII в.

(Полтавск. церковн. древнехран.).

Рис. 51. Миніатюра изъ рукописнаго евангелія XVII в.

(Полтавск. церковн. древнехран.).

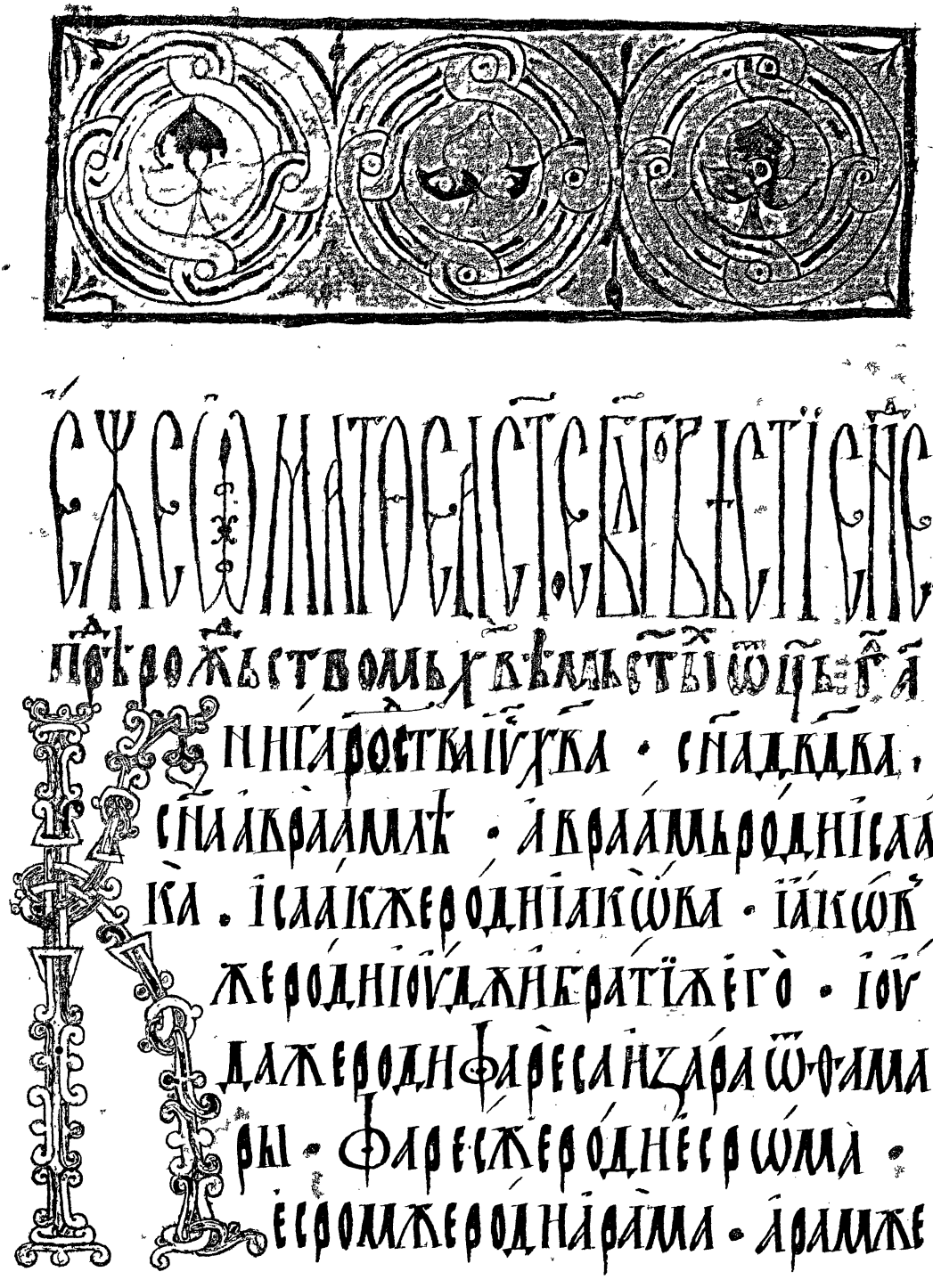


Рис. 52. Листъ рукопис. евангелія XVII в.
(Полтавск. церков. древнехр.).

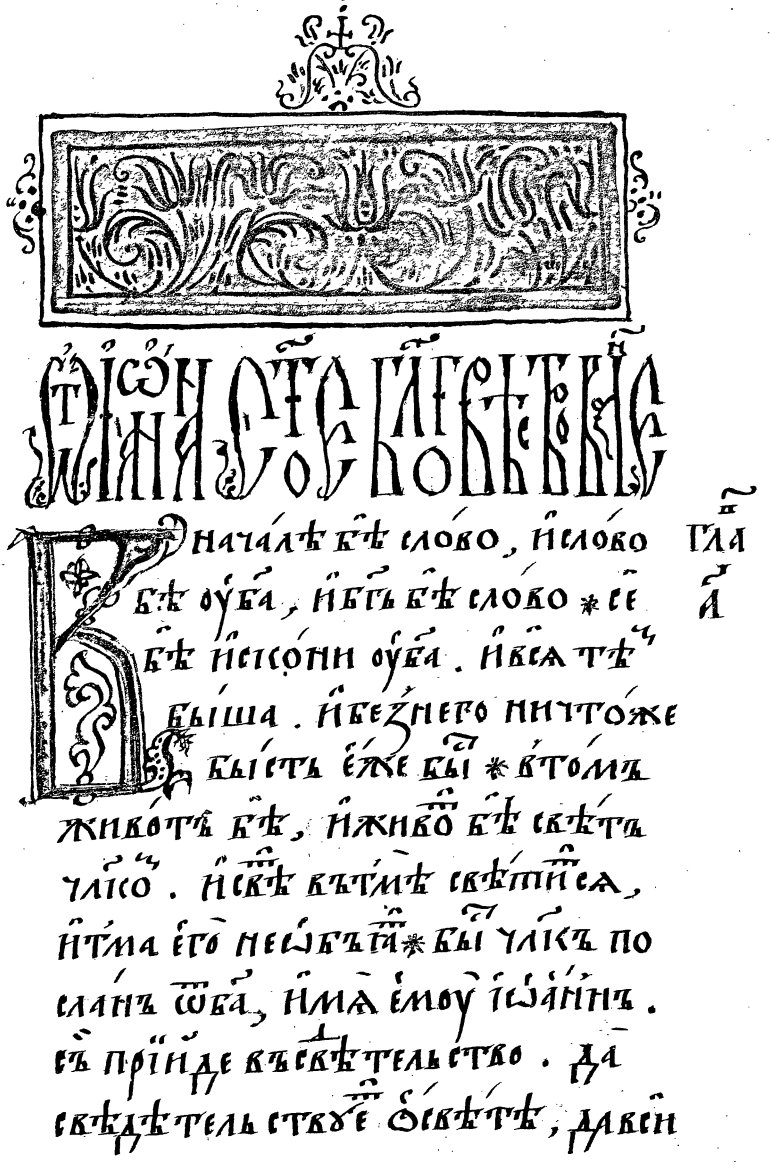


Рис. 53. Листъ рукописнаго евангелія XVII—XVIII в. в.
(Полтавск. церков. древнехр.).

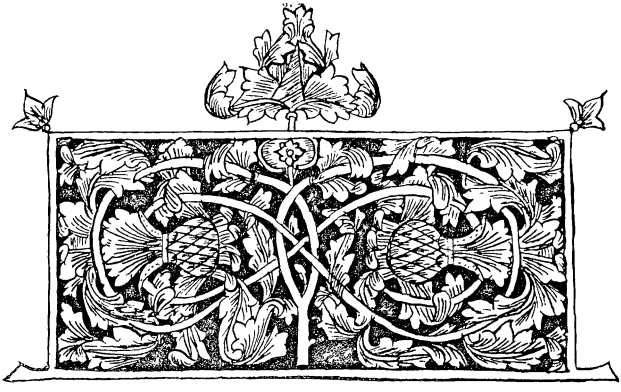


Рис. 49. Заставка изъ рукописнаго еван. XVII в. (Полтавск. церк. древне-хр.).

хитрыхъ учителей ученики пріемлемо, и долгимъ временемъ ученицы обучившеся во обычаи бываютъ: и обученное аки естественнѣ содержатъ крѣпко. . .“ [113]).

Позже у насъ начали появляться письменныя наставленія, или руководства къ переплетному „художеству“. Таковы, напр., 1) „подлинникъ о книжномъ переплетѣ“, сохранившійся въ рукописи Моск. Главн. Арх. М. И. Д. XVI XVIII в. в.; 2) „уставъ книжнаго переплета“, сохранившійся въ рукописи того же архива XVII XIX в. в., и 3) „указъ, како книги переплетати“, сохранившійся въ рукописи церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи XVII—XVIII в. в. [114]).

Изъ наставленій, какія содержатся въ названныхъ сейчасъ руководствахъ по переплетному „художеству“, видно, что процессъ переплетанія книгъ въ древности былъ тотъ же, какимъ онъ, въ сущности, остается и теперь. Да инымъ онъ и не могъ быть. Сначала обыкновенно сшивались и приклеивались листы, или тетради переплетавшейся книги. Нитки употреблялись обыкновенно конопляныя, по три, по шести и болѣе нитокъ въ плети, смотря по величинѣ книги [115]). Затѣмъ наружные концы листовъ бумаги, или пергамента обрѣзывались и иногда покрывались красками, или золотомъ. Тщательно приготовленную и высушенную книгу прикрѣпляли концами нитей, сходившихся въ корешкѣ книги, къ двумъ доскамъ. Большія, напр., церковно-богослужебныя книги всегда переплетались въ доски. Доски употреблялись: березовыя, сосновыя, еловыя или осиновыя [116]). Для удобства употребленія и для красоты доски обыкновенно съ наружной стороны, равно какъ и корешокъ, обтягивались кожею, или же матеріею; съ внутренней стороны онѣ покрывались бумагою, или матеріею. На четырехъ углахъ и посрединѣ такъ покрытой кожею доски, въ видахъ прочности и красоты, накладывались металлическіе плащи, или пластинки, называвшіяся „наугольниками“ и „срединками“ [117]). Иногда и вся верхняя доска книжнаго переплета покрывалась металломъ съ рельефными священ-

[113]) См. Опытъ сборника свѣдѣній по исторіи и техникѣ книгопереплетнаго художества на Руси, преимущественно въ до-петровское время, съ XI по XVIII-ое столѣтіе включительно. Тексты — матеріалы—снимки. Собралъ и примѣчаніями снабдилъ Павелъ Симони. Изданіе О. Л. Д. П. т. CXXII. 1903 г.

[114]) См. тамъ же стр. 1—29.

[115]) См. тамъ же стр. 6.

[116]) См. тамъ же стр. 10.

[117]) См. тамъ же стр. 22.

ными изображеніями на немъ. По желанію, для украшенія, на кожѣ, которою покрывалась верхняя доска переплетенной книги, дѣлались тисненія въ видѣ различныхъ фигуръ и узоровъ. Это называлось „басмить“ книгу [118]). Кожа для обдѣлки досокъ употреблялась не только простая, черная, но также и дорогая краснаго или зеленаго цвѣта, называемая сафьяномъ. Для болѣе дорогихъ экземпляровъ кожа замѣнялась парчею, или бархатомъ, а на „планцахъ“, которые приготовлялись иногда изъ серебра, употреблялись священныя изображенія. Переплетъ книги заканчивался устройствомъ застежекъ, обыкновенно называемыхъ въ памятникахъ „замками“ [119]). При обыкновенно большой величинѣ старинныхъ книгъ застежки для нихъ были безусловно необходимыми. Незастегнутыя, или даже не аккуратно застегивавшіяся книги сильно коробились и скоро портились. Поэтому, опытные книголюбцы настойчиво требовали, чтобы книги всегда и аккуратно застегивались. Такъ, новгородскій архіепископъ Моисей (1326 1330 г.г.) на посланномъ имъ въ Юрьевскій монастырь напрестольномъ евангеліи сдѣлалъ, между прочимъ, такую надпись: „а который попъ или дьяконъ четъ (прочитавъ), а не застѣгаетъ всихъ застѣжекъ, буди проклятъ“ [120]).

Переплеты нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ книгъ, приготовлявшіеся по заказамъ князей и др. знатныхъ или состоятельныхъ людей, дѣлались съ чрезвычайною роскошью. Такъ, о владиміро-волынскомъ князѣ Владимірѣ извѣстно, что имъ были пожертвованы разнымъ храмамъ евангелія, „окованныя серебромъ и золотомъ, съ дорогими камнями и жемчугомъ, волоченыя оловпромъ и украшенныя цятами изъ финифти“ [121]).

Кромѣ деревянныхъ, съ кожаною или иною обкладкою, въ древней Руси употреблялись еще бумажные переплеты. Но они, по мнѣнію спеціалистовъ, могли появиться у насъ сравнительно поздно, не ранѣе половины XVII в. [122]).

Древне-русскія рукописныя книги имѣли различный форматъ. Особенно это должно сказать относительно книгъ, писанныхъ на пергаментѣ (кожѣ), который давалъ возможность заказчикамъ и книгописцамъ приготовлять книги самаго разнообразнаго формата - отъ самыхъ малыхъ до очень большихъ. Книги, писанныя на бумагѣ, чаще всего имѣютъ большой форматъ. Какъ рѣдкость, въ позднѣйшее время (въ XVII XVIII в.в.) встрѣчаются книги весьма малаго, миніатюрнаго вида. Образцы ихъ можно видѣть въ книжныхъ собраніяхъ, напр., въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Духовной Академіи.

Величина рукописныхъ книгъ въ древней Руси была также разнообразна, причемъ чаще всего употреблялись книги большія, т. е. состоявшія изъ большого количества листовъ. Такъ, Кормчая, писанная на пергаментѣ ок. 1282 г., имѣетъ 629 листовъ, бумажная тро-

---

[118]) См. тамъ же стр. 22.

[119]) См. тамъ же стр. 16.

[120]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. СПБ. 1908 г., стр. 21.

[121]) См. у И. И. Срезневскаго. Древнія русскія книги. СПБ. 1864 г., стр. 11.

[122]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. СПБ. 1908 г. стр. 20—22. Древнихъ книжныхъ переплетовъ сохранилось у насъ немного. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ считается переплетъ Мстиславова евангелія (XII в.), о которомъ у насъ выше была рѣчь. Снимки съ другихъ старинныхъ русскихъ книжныхъ переплетовъ см. въ цитир. „Опытѣ сборника свѣдѣній по исторіи и техникѣ книгопереплетнаго художества на Руси“ на таблицахъ VII—XXXIV. Тамъ же на стр. 271—294 въ перечнѣ и описаніи снимковъ можно читать многія любопытныя свѣдѣнія о сохранившихся старинныхъ русскихъ книжныхъ переплетахъ. Снимки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ см. ниже на рис. 61, 62, 63, 64 и 65.

ницкая Псалтирь XVI в. 1341 л. л., самая малая изъ макарьевскихъ Миней имѣетъ — 816 л. л., а самая большая—1759 л. л. [123]).

Само собою разумѣется, что старыя рукописныя книги, при такой величинѣ и при такихъ переплетахъ, какіе употреблялись у насъ, имѣли большой вѣсъ и цѣнились очень дорого.

XI.

Цѣнность книгъ и книжная торговля въ древней Руси.

Рукописныя книги въ древней Руси, какъ мы видѣли, стоили очень дорого. Цѣнность ихъ обусловливалась дороговизною матеріала, на которомъ писались книги, и работы по перепискѣ. Она увеличивалась или уменьшалась еще въ зависимости отъ количества и качества внутреннихъ украшеній и переплета.

Первоначально книги писались, какъ мы знаемъ, на пергаментѣ. А пергаментъ на Руси цѣнился очень дорого. По вычисленіямъ И. И. Срезневскаго, основывающагося въ данномъ случаѣ на показаніяхъ Русской Правды, листъ пергамента въ древней Руси стоилъ, въ переводѣ на наши деньги, около 7 руб. Такимъ образомъ, небольшая книжка въ 8-ую долю и въ 80 листовъ, на которую употреблялось около 10 листовъ пергамента, могла стоить безъ письма около 80 рублей. Дѣйствительно, владиміро-волынскій князь Владиміръ, по свидѣтельству лѣтописи, заплатилъ за молитвенникъ, пожертвованный имъ церкви св. Георгія, восемь гривенъ кунъ, или, въ переводѣ на наши деньги, около 80 рублей [124]). Изъ записи на одномъ евангеліи конца XIV в. мы узнаемъ, что матеріалъ его стоилъ 3 рубля и письмо 3 рубля. Не забудемъ при этомъ, что, по вычисленіямъ (хотя и гадательнымъ) знатоковъ (напр., И. И. Срезневскаго), рубль того времени равнялся 40 нашимъ руб. [125]).

Съ теченіемъ времени для писанія книгъ у насъ стала употребляться вмѣсто пергамента бумага. Она, конечно, стоила дешевле пергамента, но, тѣмъ не менѣе, особенно на первыхъ порахъ, цѣнилась довольно дорого. На дороговизну бумаги встрѣчаются иногда указанія даже и въ историческихъ актахъ. Такъ, напр., вторая новгородская лѣтопись подъ 1555 годомъ имѣетъ запись: „бумага дорога была, листъ полденьги“. Въ записи бумажнаго Пролога 1481 г. говорится, что бумага, на которой была написана книга, стоитъ по 8 денегъ десть, а письмо по 8 денегъ тетрадь [126]).

Такимъ образомъ, даже и на бумагѣ писанныя и притомъ самыя обыкновенныя книги стоили въ древней Руси очень дорого. Можно себѣ представить, какъ должны были цѣниться тогда книги, написанныя на хорошемъ матеріалѣ, искусными переписчиками, богато украшенныя внутри и оправленныя въ дорогіе переплеты. Неудивительно, поэтому, если наши древнія лѣтописи отмѣчаютъ пожертвованіе какой либо подобной книги въ монастырь, или въ храмъ, какъ изъ ряда вонъ выходящее событіе. Съ другой стороны, намъ теперь должны быть понятны разсказы нашихъ лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ о томъ, какъ, напр., въ случаѣ пожара, русскіе старались, прежде всего, спасать книги и т. п.

Въ сохранившихся до нашего времени рукописныхъ книгахъ мы часто встрѣчаемъ указанія на то, что книга была продана или куплена тѣмъ-то, тогда-то и за то-то. Необходимо

---

[123]) См. тамъ же стр. 22.

[124]) См. его Древне-русскія книги. СПБ. 1864 г. стр. 12. Любопытно, что тотъ же князь и около того же времени заплатилъ за село 50 гривенъ кунъ, т. е. только въ $6^1/_4$ раза дороже, чѣмъ за молитвенникъ.

[125]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. СПБ. 1908 г. Стр. 23.

[126]) См. тамъ же стр. 23.

предполагать, что купля и продажа рукописныхъ книгъ на Руси началась очень рано, вѣроятно, съ самаго появленія книгописанія у насъ. Но первоначально она имѣла характеръ совершенно частной сдѣлки. Князья, епископы и бояре заказывали, по извѣстному договору, грамотеямъ написать имъ ту или другую книгу, и книгописецъ исполнялъ эту работу. Въ древности, когда на книгописаніе смотрѣли у насъ, какъ на богоугодный подвигъ, и когда нашими книгописцами были преимущественно монахи-любители, на Руси была въ большомъ ходу безплатная переписка книгъ. Записи о томъ, что книгописецъ трудился „безъ мзды", нерѣдки въ нашихъ древнихъ книгахъ. Напр., въ одномъ рукописномъ евангеліи читаемъ слѣдующую запись: „сію книгу св. евангеліе писалъ безъ мзды за свое душевное спасеніе..." [127]).

Но нѣсколько позже, напр., съ XV-XVI в.в., этотъ порядокъ уступилъ мѣсто другому. Теперь, когда на Руси, съ одной стороны, появилось много грамотныхъ людей и, слѣдов., увеличился спросъ на книги, и когда, съ другой стороны, было достаточно охотниковъ потрудиться для удовлетворенія назрѣвшей въ обществѣ потребности, причемъ они могли писать быстро, у насъ, по примѣру западно-европейскихъ странъ, началась правильная торговля книгами. Изъ постановленій стоглаваго собора (половина XVI в.) мы узнаемъ, что тогда происходила продажа книгъ по городамъ. Но главный центръ книжной торговли тогда сосредоточивался въ Москвѣ. Изъ печатнаго московскаго „Апостола" 1564 г. мы узнаемъ, что царемъ Іоанномъ IV Грознымъ было разрѣшено покупать книги „на торжищахъ". Въ XVII в. въ Москвѣ существовалъ уже „книжный рядъ", гдѣ торговали книгами, въ томъ числѣ и рукописными, преимущественно духовныя лица. Книжная торговля происходила тогда и въ другихъ мѣстностяхъ столицы [128]).

XII.

Свѣдѣнія о южно- и западно-русскомъ книгописаніи XV—XVIII в. в.

До XIV вѣка русское книгописаніе развивалось въ одномъ направленіи, болѣе или менѣе общемъ для всей Руси. Съ этого же времени начинаетъ ясно обозначаться различіе между письмомъ сѣверо-восточнымъ русскимъ и юго-западнымъ русскимъ.

Многія причины и условія подготовили такое обособленіе западно-русскаго книгописанія отъ восточно-русскаго. Главнѣйшимъ изъ такихъ условій должно быть признано, безъ сомнѣнія, церковно-политическое раздѣленіе русскаго народа на двѣ половины, собравшіяся постепенно,— одна около Москвы, и другая около Литвы Польши.

Западная Русь, вошедшая въ составъ польско-литовскаго государства, стала жить при совершенно иныхъ условіяхъ, въ другой культурно-политической обстановкѣ, чѣмъ въ какой жила Русь Восточная. Сначала Западная Русь крѣпко охраняла свои духовныя и національныя особенности и даже оказывала вліяніе на Литву, которой подчинилась политически. Но съ XVI вѣка, особенно съ 1569 г., когда Польша объединилась съ Литвою, Западная Русь начинаетъ постепенно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше и больше подчиняться польскому, или даже западно-европейскому, латинскому, шедшему черезъ Польшу, вліянію. Это вліяніе постепенно распространялось на всѣ стороны духовной и культурно-полити-

[127]) См. у А. И. Кирпичникова. Очеркъ исторіи книги. СПБ. 1888 г., стр. 34.

[128]) См. у А. И. Соболевскаго. Славяно-русская палеографія. СПБ. 1908 г., стр. 21.

ческой жизни западно-русскаго народа. Коснулось это вліяніе также и области западно-русскаго книгописанія, причемъ степени этого вліянія служатъ границами извѣстныхъ періодовъ, которые можно подмѣчать въ историческомъ процессѣ постепеннаго развитія западно-русскаго книгописанія [129]).

Спеціалисты склонны усматривать именно слѣдующіе четыре періода въ исторіи южно-русскаго письма: 1) съ половины XV в. и до половины XVI в.; 2) съ половины XVI в. до начала XVII в.; 3) съ начала XVII в. до второй половины XVII в. [для правой (отъ р. Днѣпра) стороны Ю. Россіи] и до половины XVIII в. (для лѣвой стороны ея) и, наконецъ, 4) съ половины XVIII в. (для лѣваго берега) и съ конца того же вѣка (для праваго берега).

Отличительнымъ признакомъ южно-русскаго книгописанія въ первомъ изъ указанныхъ періодовъ признается сходство его съ древне-русскимъ полууставнымъ письмомъ. Каждая буква въ южно-русскомъ книгописаніи этого времени является естественнымъ продолженіемъ и развитіемъ своего первообраза въ полууставѣ, а затѣмъ и въ уставѣ. Южно-русское книгописаніе этого періода, свободное отъ посторонняго вліянія, характеризуется также сравнительнымъ своимъ консерватизмомъ, въ смыслѣ сохраненія разъ установившагося характера.

Образцы этого періода южно-русскаго письма см. на рисункахъ подъ №№ 66 и 67.

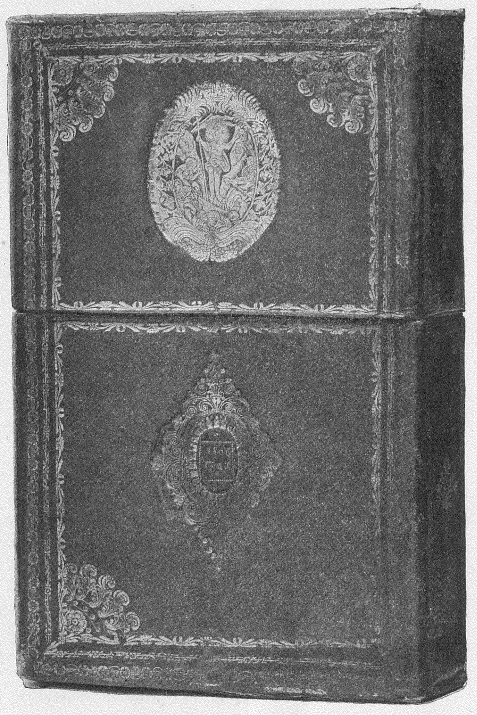


Рис. 60. Футляръ, въ которомъ хранится рукоп. еванг. Кіево-Десятинной церкви.

Отличительными чертами южно-русскаго письма во второмъ изъ вышеуказанныхъ періодовъ были: малый размѣръ буквъ, округленность многихъ изъ нихъ, уменьшеніе сокращеній посредствомъ выноса буквъ и увеличеніе сближенія конца одной буквы съ началомъ другой.

Въ это же время замѣчается прогрессирующее обособленіе южно-русскаго письма отъ сѣверно-русскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сближеніе перваго съ западно-готическимъ. Эта послѣдняя особенность южно-русскаго письма находилась въ тѣсной связи съ усилившимся

---

[129]) См. Палеографическій Изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII в.в., изданные Кіевскою Комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Вып. 1. К. 1899 г. Напечатанною здѣсь статьею Н. М. Каманина: „Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII в.в." мы пользовались при составленіи настоящей главы. Ср. рецензіи: 1) А. И. Соболевскаго. Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова и 2) Пташицкаго С. Л. въ Ж. М. Н. Пр. 1900 г. кн. 8.

Рис. 54. Филигрань изъ рукоп. еванг. XVII в. (Полт. церков. древнехр.).

Рис. 55. Филигрань изъ рукоп. Ирмологіона (Полт. церк. древнехр.).

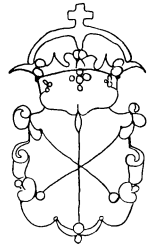


Рис. 56. Филигрань изъ рукоп. еванг. XVI в. (Полт. церк. древнехр.).

особенно въ концѣ XVI в. вліяніемъ польско-латинской культуры на З. Русь.

Образцы южно-русскаго письма даннаго періода можно видѣть на рисункахъ подъ №№ 68 и 69.

Третій періодъ южно-русскаго книгописанія характеризуется, между прочимъ, выработкой новаго типа письма, подъ вліяніемъ латинскихъ образцовъ. Проводниками этихъ послѣднихъ служили реформированныя западно-русскія школы, заведенныя въ XVI и XVII в. в. нашими западно-русскими церковными братствами. Поэтому, и самый данный періодъ южно-русскаго письма, характеризующагося, должно сказать, большимъ разнообразіемъ мѣстныхъ почерковъ, принято называть школьнымъ, или латинскимъ.

Образцы южно-русскаго письма разсматриваемаго времени можно видѣть на снимкахъ подъ №№ 70 и 71.

Наконецъ, періодъ четвертый и послѣдній южно-русскаго письма характеризуется замѣтнымъ подчиненіемъ и сближеніемъ его съ письмомъ сѣверно-русскимъ, что обусловливалось, безъ сомнѣнія, общими условіями церковно-политической и культурной жизни южн. Россіи въ XVIII в.

Образцы южно-русскаго письма этого періода представлены на снимкахъ подъ №№ 72 и 73.

Въ церковно-богослужебныхъ книгахъ Ю.-Западной Россіи употреблялись преимущественно традиціонные способы рукописанія— уставный и полууставный (см. рис.: 32, 33, 34, 35, 37 и 38). Во внѣшней сторонѣ письма ихъ замѣчается меньше тщательности, чѣмъ это практиковалось въ С.-Восточной Россіи. То же самое должно сказать и о внутреннихъ украшеніяхъ ихъ въ видѣ миніатюръ, заставокъ и заглавныхъ буквъ. Въ западно-русскихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ XV—XVII в. преобладаетъ простая и иногда даже грубая орнаментовка. Исключеній, въ родѣ знаменитаго Пересопницкаго евангелія, а также четвероевангелія Кіевской Духовной Академіи (см. рис. 32 и 33), извѣстно немного. Въ орнаментовкѣ позднѣйшихъ западно- и южно-русскихъ книгъ (XVIII в.) замѣчается, кромѣ того, еще подражаніе печатнымъ образцамъ (см. рис.: 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44 и 45). Церковно-богослужебныя рукописныя книги и въ Ю.-З. Руси цѣнились такъ же дорого, какъ и на сѣверѣ Россіи. Онѣ обыкновенно изобилуютъ „надписями“ и „записями“, въ которыхъ разсказывается исторія ихъ написанія, пріобрѣтенія и т. п. Одна изъ записей Пересопницкаго евангелія читается, напр., такъ: „Доконана есть пръшаа часть науки читаня презъ рокъ Святого Евангелія в дворци монастыри Жеславскомъ при церкви святыя и Живоначальныя Тройца. А почалось есть сіе писати евангеліе року 1556 мѣсяца августа 15, на день Успенія Пресвятыя нашеа Богородицы и Приснодѣвы Маріи“. Въ дру-

гой „записи“ того же евангелія говорится, что оно было окончено 29 августа 1561 года. Въ третьей надписи сообщаются свѣдѣнія уже о послѣдующей судьбѣ того же евангелія. Вотъ эта надпись: „сіе евангеліе прислано и дано есть отъ ясневельможнаго его милости П. пана Іоанна Мазепы, войскъ его царского пресвѣтлого величества запорозскихъ, обоихъ сторонъ Дѣпра Гетмана и славнаго чина святого Апостола Андрея кавалера, до престола переяславского епископскаго, который отъ егожъ ктиторской милости созданъ, отновленъ и драгоцѣнными утвари церковными украшенъ. При преосвященномъ епископѣ Захаріи Корниловичѣ року 1701-го апрѣля 13 дня“ [130]). Излюбленными „записями“ западно-русскихъ книгописцевъ и книголюбцевъ были также „заклятія“ на тѣхъ, кто дерзнулъ бы похитить жертвуемую книгу, или же передать ее въ другое мѣсто [131]).

Переплеты западно-русскіе отличались сравнительною простотою. Наиболѣе дорогія книги, кромѣ переплета, хранились еще въ особыхъ футлярахъ. Образцомъ послѣднихъ можетъ служить футляръ евангелія Кіево-Десятинной церкви, относящійся къ началу XIX вѣка (см. рис. 60).

[130]) Смотрите у протоіерея Н. Думитрашко. Цитированная брошюра страницы 14, 18. Снимокъ текста Пересопницкаго евангелія смотрите на рисункѣ 74.

[131]) Подобныхъ „заклятій“ много можно читать въ „Указателѣ Полтавскаго Епарх. Древнехранилища“, составленномъ свящ. В. Трипольскимъ (П. 1909 г.). на стр. 31—40.

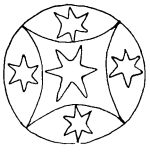


Рис. 57. Филигрань изъ рукописн. евангел. XVII в. (Полтав. церк. древнехр.).

Рис. 58. Филигрань изъ рукописн. евангел. XVII в. (Полтав. церк. древнехр.).

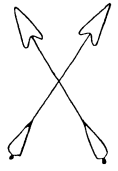


Рис. 59. Филигрань изъ рукописн. евангел. XVII в. (Полтав. церк. древнехр.).

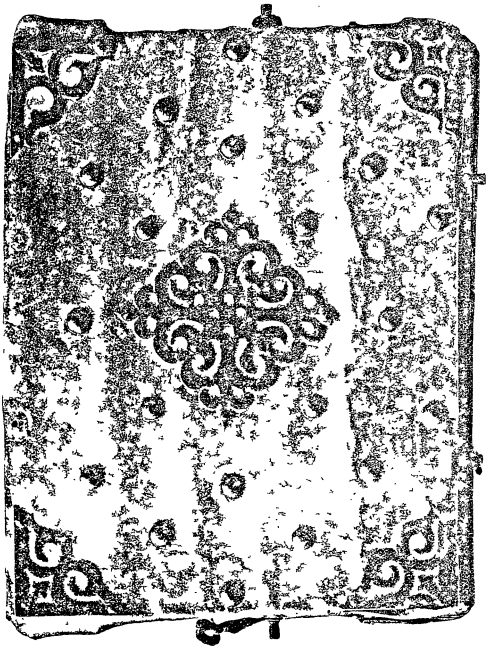


Рис. 61. Верхняя доска переплета новгородск. служебн. Минеи XIV в.
(Библ. С.-Петерб. дух. Акад.).

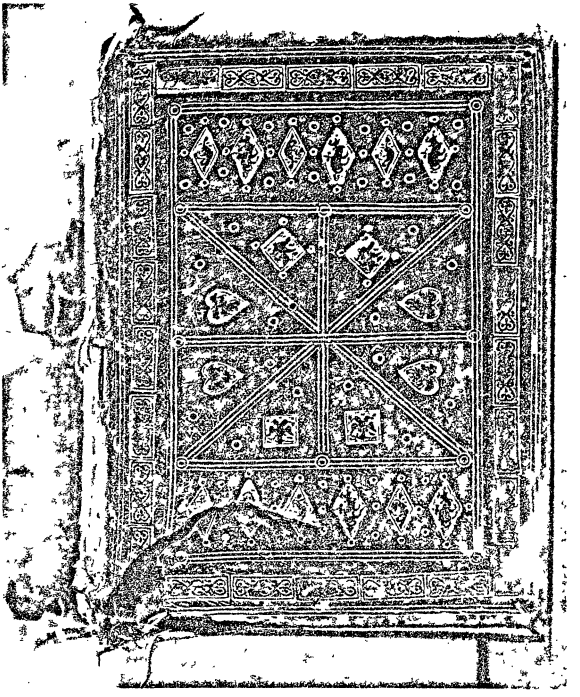


Рис. 62. Верхняя доска переплета пергам. служебн. Минеи XII—XIII в. в.
(Московск. типогр. библ.).

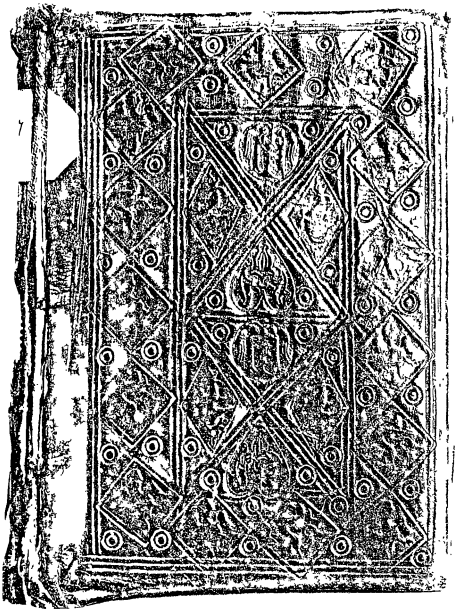


Рис. 64. Верхняя доска рукописной бумажн. службы св. митр. Петру XV в.
(Библ. С.-Петербург. дух. Акад.).

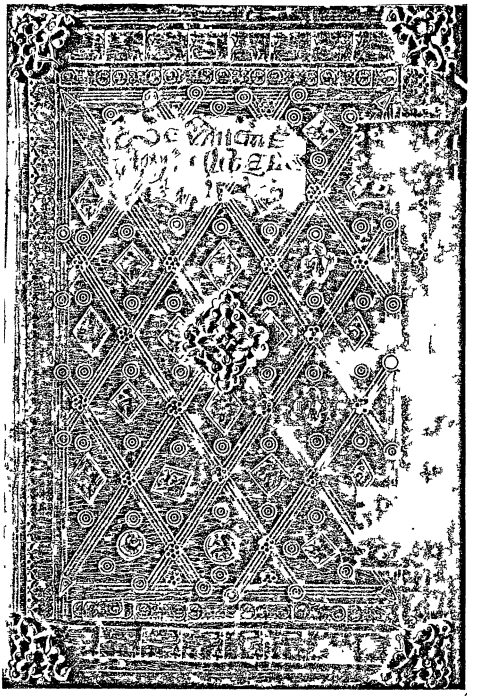


Рис. 65. Верхняя доска переплета толковаго евангелія XVI в.
(Московск. синод. библ.).

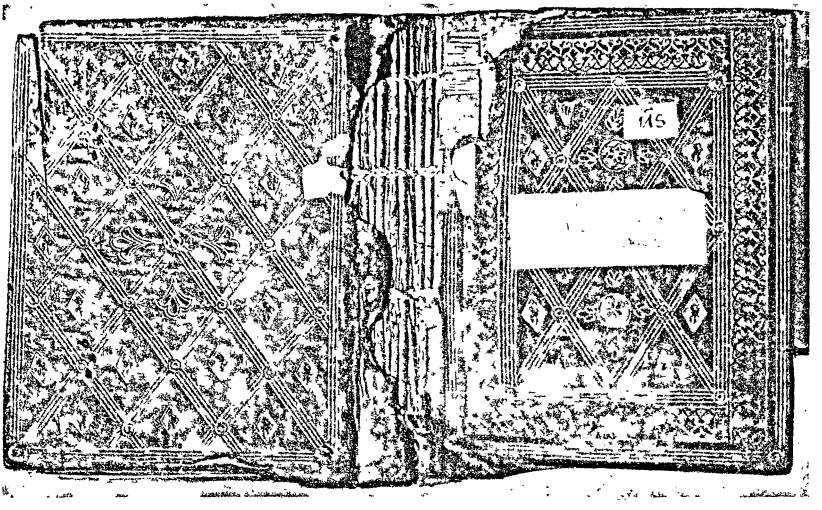


Рис. 63. Обѣ доски и корешокъ переплета пергам. служебника XIV—XV в. в
(Московск. типогр. библ.).

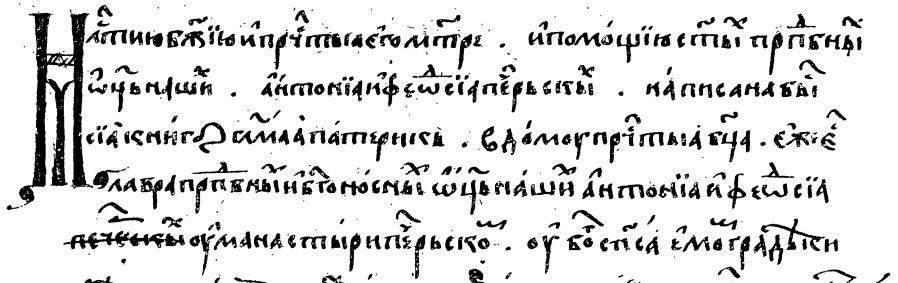


Рис. 66. Изъ послѣсловія рукописнаго Печерскаго Патерика XVI в. (Библ. Кіево-печерск. Лавры).

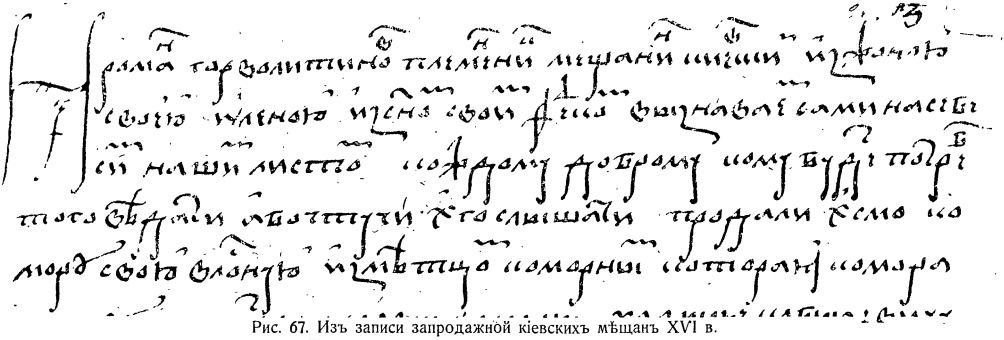


Рис. 67. Изъ записи запродажной кіевскихъ мѣщанъ XVI в.
(Кіевск. центральн. архивъ при универс. св. Владиміра).

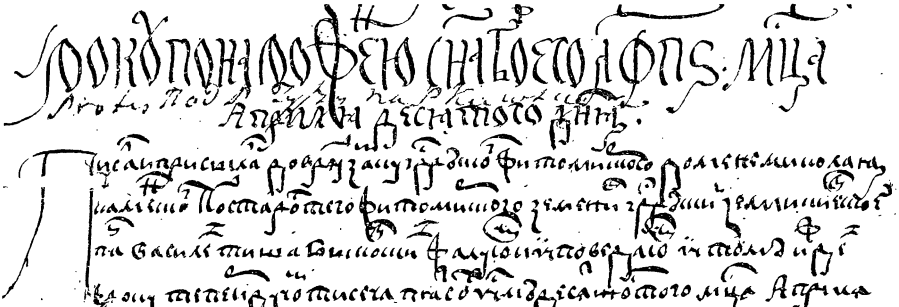


Рис. 68. Изъ рукописной жалобы XVI в. (Кіевск. централ. арх. при универс. св. Владиміра).

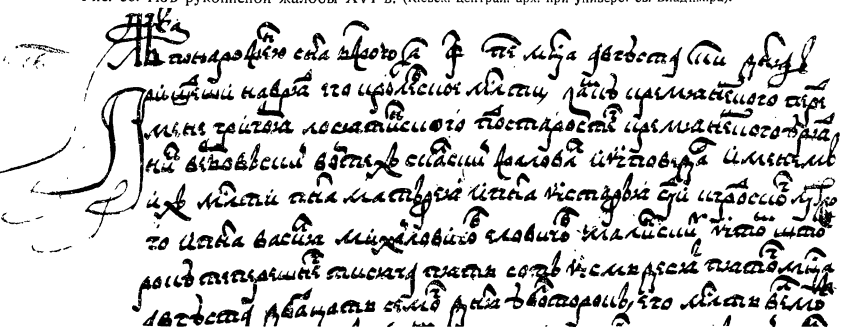


Рис. 69. Изъ рукописной жалобы XVI в.
(Кіевск. централ. арх. при универс. св. Владиміра).

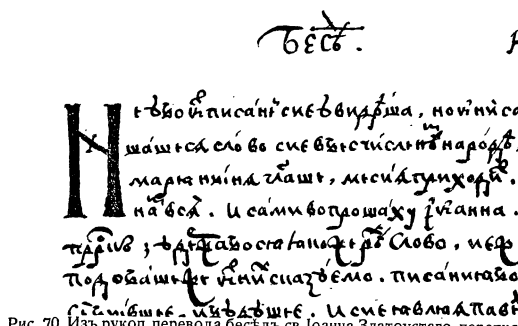


Рис. 70. Изъ рукоп. перевода бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго, перепис. (перевода) въ Ю. Россіи въ XVI—XVII в. в. (Волынск. церковн. древнехран.).

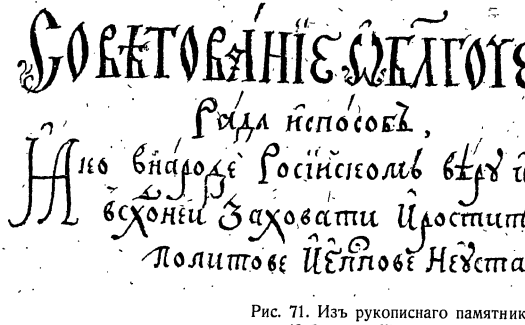


Рис. 71. Изъ рукописнаго памятника XVII в. (Собр. рукоп. Кіевск. археогр. Коммиссіи).

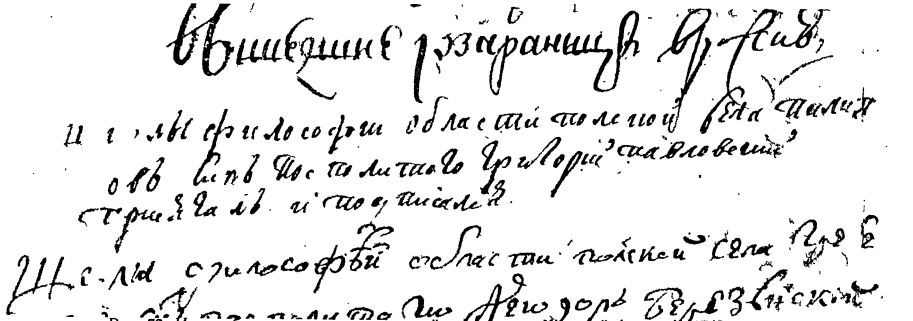


Рис. 72. Изъ собственноручныхъ подписей студентовъ Кіевской Академіи 1740-хъ г. г. (Кіевск. центральн. арх. при универс. св. Владиміра).

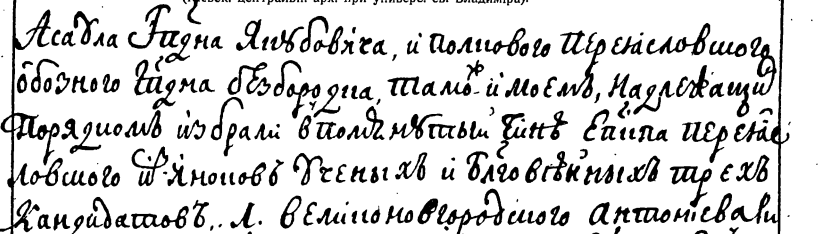
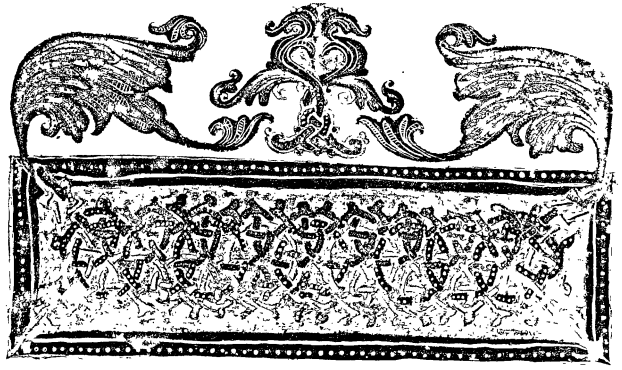


Рис. 73. Изъ собственноручнаго донесенія префекта Кіевской Академіи Георгія Конисскаго гетману гр. Разумовскому отъ 25 февр. 1752 г. (Кіевск. централ. арх. при университетѣ св. Владиміра).



ПОКЛОНОВЪНІЕ

лѣта, тисмѣсѧцѣ . и.
ѥѵлиствѡ пріятіѥ . шпѫ
починаѥмъ . никѡмѹжствѹѧ .

ѯдоущѥ написано
ѥсть ѥтѣмъ рѧдъкы
ѥѵліи , іѡаннастѹѡ
всѣ нинѣлмъ изтн
таѣцкі сѡкѣлникымъ
нѣлм пасхы . кроущкимкн
тѹѡдноѹ . пѧдежжестѹѡ ;
ѥѵліа тѹмѣ сѡпѣлка , по
нщи . ижѥ ѥстѹѡдѹа . ямъ
допмка покъзкиженіи ,

Сїе ѥѵліѥ прилѣжно йдано ѥ ѡ Вѣсне
Велмѡжского ѥгѡ Мѳтн П Жана

Рис. 74. Начальная страница Пересопницкаго Евангелія.

(Полтавск. церков. древнехр.).

Библиотека
Политехнического
института

ИЗЪ РЕДАКЦІИ
„ТРУДОВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ СОЧИНЕНІЯ АВТОРА:

1) Духовныя школы Курско-Бѣлгородской епархіи (стран 509). Кіевъ. 1895 г. Цѣна **3** руб.
2) Русское духовенство въ Галиціи (изъ наблюденій путешественника) Церковно-историческій очеркъ. Стр 132. Кіевъ. 1903 Ц. **1** р., съ перес.
3) Русская православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв (1654—1795 г) Томъ первый Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII вв Первая половина тома (1654—1725 г.). Кіевъ 1905 г., стр. 276 Ц. **2** руб. Вторая половина тома (1725—1761 г) Кіевъ 1907 г., стр. 272. Ц. **2** р
4) Макарій (Булгаковъ), митрополитъ Московскій и Коломенскій. Историко-біографическій очеркъ Томъ 1 й Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы м Макарія (1816—1851) (съ портретомъ и факсимиле). Кіевъ. 1895 г (V+459 стран.) Цѣна **3** руб съ перес. Т. II. Тамбовск. и Харьковск пер жизни и дѣят. м. Макарія. Кіевъ 1903 г. Цѣна **2** р съ перес
5) Преосвященный Кириллъ Наумовъ, епископъ Мелитопольскій, бывшій настоятель русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Очеркъ изъ исторіи русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ Кіевъ. 1902 г. (440 стр.) Ц **2** р съ перес.
6) Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви Вып. I—II, 1901 Вып. III К 1904 Ц. **80** к Вып. IV. 1905 г. Ц **25** коп. Вып. V. 1906 г Ц. **25** коп Вып VI К. 1908 г. Ц **30** к Вып. VII. К 1909 г Ц. **20** к Вып VIII. К 1910 г Ц **20** коп. Вып IX. К 1910 г Ц **20** к Вып. X К. 1911 г Ц **20** коп.
7) Преобразованія духовныхъ Академій въ Россіи въ XIX в Кіевъ 1906 Стр. 134 Ц **80** коп.
8) Разъяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви. Вып. I, Кіевъ 1907 г (37 стран.). Цѣна **30** коп.
9) Къ біографіи Гедеона Криновскаго, епископа Псковскаго и Нарвскаго. Казань 1907 г стр 24. Цѣна **15** коп
10) Къ вопросу о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви Кіевъ, 1900 г, стр 63. Ц. **40** коп.
11) Высокопреосвященный Филаретъ (Амфитеатровъ), митрополитъ Кіевскій и Галицкій. Кіевъ. 1908 г, стр 28. Ц **15** коп
12) Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, ревнитель православія и защитникъ русской народности въ Западной Руси (1527—1608 г.). Кіевъ, 1908 г. Ц. **20** коп.
13) Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705—1754 гг.), бывшій ученикъ и учитель Кіевской Академіи. К. 1909 г Цѣна **30** коп
14) Св Димитрій, митрополитъ Ростовскій, бывшій ученикъ Кіевской духовной Академіи (1651—1709 г.) К. 1909 г Цѣна **40** коп.
15) Преподобная Евфросинія, княжна Полоцкая (Историческая справка) Стр. 41. К. 1910 г. Цѣна **25** коп
16) Мѣстечко Бѣлгородка — древній Бѣлгородъ (съ рисунками въ текстѣ) Стр 23. К. 1910 г Цѣна **20** коп.
17) Кіевская Академія въ эпоху реформъ (1796 — 1819 г г) Вып. I К 1910 г Цѣна **40** коп.
18) Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи Отдѣленіе III (1796—1869 г г) Томъ 1 (1796—1803 г.г.) К 1910 г Ц **4** руб

ЦѢНА **4** РУБ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

(3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВО

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕНЪ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВОПРОСАМЪ ЖИВОПИСИ, ГРАФИКИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ: НА ГОДЪ—8 РУБ.,
ЗА ГРАНИЦУ—10 РУБ.,
ОТДѢЛЬНЫЙ НОМЕРЪ—1 РУБ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА: КІЕВЪ, ПУШКИНСКАЯ, 4.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: КІЕВЪ, КРЕЩАТИКЪ, Д. № 29, Л. ИДЗИКОВСКІЙ, ВЪ МАГАЗИНАХЪ КРАСНАГО КРЕСТА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОРСКАЯ, 38; МОСКВА, Б.-ЗЛАТОУСТИНСКІЙ, 6.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ В. С. КУЛЬБѢЙКО.